

Артем Шумилин Серж Винтеркей



Ревизор:
Возвращение в СССР 10

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 10

«Автор»

«Автор»

2023

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 10 / С. Винтеркей — «Автор»,
«Автор», 2023 — (Ревизор)

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Павел Ивлев попал на карандаш серьезным людям. С одной стороны, приятно, когда ты нарасхват, с другой, риски тоже возрастают. Между тем, жизнь продолжается. Интриги-интригами, проверки-проверками, а друзья и родственники никогда не дадут соскучиться!

© Винтеркей С., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Шумилин, Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 10

Глава 1

Москва

Ну и что делать в такой ситуации? Были бы сейчас девяностые, то единственный вариант, если жизнь дорога – бежать в сторону людей и орать. Хотя тогда, понимая это, в машину и не предлагали сесть, обычно неожиданно били сзади по голове и везли дальше в багажнике.

Ладно, сейчас 1971 год, люди явно не планируют пытаться меня при помощи утюга и потом в лесу прикопать. Вот, даже не постеснялись на машине подъехать на оживленной улице, когда народу полно и на нас с любопытством глазают уже. Не боятся, значит, что номер машины, если я пропаду, кто-то может и вспомнить. Сейчас народ калькуляторами и смартфонами не избалован – привык хранить в голове просто-таки огромные массивы информации, в том числе и цифр, так что номер машины и запомнить, и вспомнить через несколько дней, если следователь спросит, вообще без проблем.

Да я и сам, когда в СССР жил, десятки телефонных номеров наизусть помнил безо всяких сложностей. Кстати, я ведь и на курсы мнемотехники позже ходил, и по итогу еще раз в пять улучшил свои способности по запоминанию. Можно будет потихоньку Галию начать обучать этому искусству. Если, конечно, не ошибся и живым из этой машины выйду.

Мужчина в дорогом черном костюме, лет так под шестьдесят, выглядящий как профсоюзный босс из голливудских фильмов про мафию, уже ждал меня внутри на заднем сиденье. Когда я сел в машину, улыбнулся и протянул руку:

– Владимир Лазоревич!

– Павел Ивлев, – машинально пожал руку я.

Дверь закрыли, но машина никуда не поехала. И шофер, и парень, что меня заблокировал на пешеходной дорожке, остались снаружи. Понятно, это формат беседы прямо в машине. Никто не повезет меня в ресторан, или в хорошо отделанный кабинет... Но и в подвал тоже, чтобы пытать, похоже, не повезут. И я сразу воспрял духом.

– Ну, в моем случае Лазоревич это не фамилия, а отчество, – пояснил собеседник, – отца Лазарем звали. Как часто бывает, отчество записали с ошибкой, через «о», а не «а». А фамилия у меня Межуев. Я являюсь членом Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

А вот это очень крутая шишка по местным временам! Немыслимо крутая... Не ровня Сатчану и его комсомольской крыше. Выше уровнем, однозначно... Комитет партийного контроля – это аналог нашего «Комсомольского прожектора», только не у комсомола, а у Коммунистической партии. Комсомол у нас – помощник партии, а партия – рулевой. Нет, меня точно не должны закопать в лесу, тут, скорее, интерес ко мне и моим проявленным талантам в области ревизионной деятельности. Фух, можно немного расслабиться.

– Польщен знакомством, – сказал я, не понимая, как вообще мог оказаться в машине такого важного человека. Что бы там ни было, со мной должен был бы беседовать сейчас максимум его помощник. Или даже помощник помощника, если таковой тоже имеется. Это слишком круто... А почему бы не спросить его прямо?

– Не совсем, правда, понимаю, какими судьбами стала возможна эта встреча...

– Слухами земля полнится, знаете ли, – усмехнулся мой собеседник, – рассказали мне добрые знакомые про молодого самородка, который демонстрирует очень толковый подход во время ревизий Комсомольского прожектора. И о том, что с его появлением эти ревизии

перестали быть простой формальностью. Вот и решил лично посмотреть на тебя. Ничего, если я на «ты»?

– Почему бы и нет? – кивнул я. Ну да, разница в возрасте у нас колоссальная. У него уже, наверное, внуки подрастают моего возраста. На «вы» со мной его ломает общаться.

– Вот сейчас, слышал, ты на одной из городских мебельных фабрик был, – сказал Владимир Лазоревич, – хорошая фабрика, толковая. Надеюсь, к ней у тебя с товарищами претензий нет?

– Да у меня лично вообще ни к чему претензий нет, страна у нас отличная, стремлюсь только бороться с бесхозяйственностью да бестолковостью, ну и расхитители социалистической собственности меня напрягают, конечно, – осторожно ответил я.

Так вот к чему эта встреча! Слишком пронырливого и ретивого комсомольца пытаются притормозить в расследовании Прожектора по этой мебельной фабрике... Какая же у них хорошая крыша! Ну, мне надо было самому догадаться. Новенькое оборудование, сказочные условия для персонала – и это в то время, как мы сами видели, в каких условиях люди сейчас работают. До сих пор ту фабрику в бывшем каретном сарае забыть не могу.

– Но ты же согласен, что на этой мебельной фабрике ничего такого и подавно нет? – деланно радушно улыбнулся мне собеседник, продолжая давить.

Ну так я и не самоубийца, чтобы с таким человеком в прямой конфликт входить. Один звонок от него ректору – и не быть мне больше членом Комсомольского прожектора, да и, вполне возможно, наступит и конец моей учебе в МГУ. А если кто еще поинтересуется, на каком основании я в новом красивом доме в отдельной квартире живу-поживаю в таком возрасте, то и вообще, туши свет...

– Полностью с вами согласен, Владимир Лазоревич, смотришь на это предприятие, и глаз радуется, – не менее радушно улыбнулся ему в ответ, – оборудование новое и используется толково, условия для рабочих созданы самые что ни на есть комфортные для работы. Просто образцовое предприятие! Приятно было его посетить! Нам нужно больше таких в стране!

– Вот и отлично, Павел, вот и отлично! – я почувствовал, что мой собеседник расслабился, – а ты имей в виду, что умные люди партии всегда нужны. Будут какие-то толковые идеи – приходи ко мне, не стесняйся, мой помощник даст тебе номер телефона. А уж когда закончишь учебу – вообще обязательно тебя у себя жду, подскажу по поводу карьеры. У нас для советской молодежи столько возможностей – голова может закружиться при желании выбрать. А совет от опытного человека никогда не помешает. Как и некоторая поддержка при необходимости. Верно же?

– Полностью согласен, Владимир Лазоревич, – закивал я, изображая энтузиазм.

– Может, тебе прямо сейчас что-то нужно? – спросил он.

– Да нет, спасибо, я же в СССР живу! Для парня моего возраста у меня всего более чем достаточно! – с оптимизмом ответил я.

В принципе и не соврал, собственно. Другое дело, что все получил из-за того, что знал, как и что нужно делать. Немалый житейский опыт в таком возрасте – что может быть лучше.

– Ну, вот и прекрасно пообщались, Павел, – теперь я чувствовал, что собеседник приятно расслаблен и больше не давит на меня, – я знал, что такой толковый молодой человек обязательно все поймет правильно. До новых встреч, Павел!

Пожали друг другу руки. Я вылез, помощник Межуева наклонился к салону, я увидел, как тот ему кивнул – мол, все в порядке. Тогда он полез в карман, и я получил листок бумаги с телефоном Владимира Лазоревича.

Шофер с помощником сели в машину и она, мягко тронувшись с места, уехала. А я, забыв что опаздываю на пары, нашел какую-то скамейку и сел. Надо было как следует подумать.

Итак, выводы из беседы.

Первое – ничего плохого про мебельную фабрику ни Сатчан, ни Самедов от меня не услышат. А больше и не от кого, слава богу, мои выкладки я никому еще не показывал.

Второе – теперь я понял, почему ко мне знакомиться приехал человек такого калибра. Из пушки по воробьям, говорите... ну да, зато он может быть уверен, что все вопросы со мной сразу разрулил. Мало ли, его помощник не произвел бы должного впечатления, или не проняло бы меня, а когда вот такая фигура... Чтобы с таким не проняло, нужна кожа, как у носорога... да и такая же тупость.

Третье – я правильно понял, что меня сейчас пытались подкупить? Этот вопрос про то, не нужно ли мне чего-то прямо сейчас... Ну да, похоже на то. Скорее даже, точно. Попроси я чего-то – имел бы шансы быть зачисленным в состав той группировки, которую контролирует сам Межуев. И что-то привлекательное в этом, несомненно, было. Это всем крышам крыша. Кто же захочет с таким человеком, на такой должности находящимся, связываться? Да и его подход мне понравился – в отличие от предводителя группировки Сатчана, он мне устроил не минутный осмотр стоя, как диковинного зверька в зоопарке, а лично встретился и побеседовал, один на один. Пусть и в машине.

Но, поскольку телефон мне дали, этот путь для меня и не закрыт. Хотя и понятно, что в этом возрасте пользы я для них могу принести мало. Могу, если перейду к ним, оказаться на позиции подай-принеси. В группировке Сатчана моя роль, несомненно, может быть более значимой. У нее масштаб пониже, поближе ко мне, студенту. Нужно быть реалистом.

Да и мне симпатична позиция Д'Артаньяна... Как там – «меня плохо приняли бы здесь, на меня дурно посмотрели бы там» ... вроде так было... будет в знаменитом фильме.

Все, по этим вопросам все понятно. Да и мне легче – одно дело обнародовать негатив про фабрику, на которой никого лично не знаешь. Совсем другое – когда там твоя соседка работает главбухом. Нехорошо как-то... Мне с ней еще жить и жить рядом. А если ее посадили бы, каждый раз, заходя в подъезд, вспоминал бы, по какой причине пустует одна из квартир. К отделке которой я лично приложил усилия...

Так, остается еще один момент – рассказывать ли главбуху про обнаруженный компромат. Если сугубо по-человечески – то стоило бы. А если прикинуть с точки зрения моего житейского опыта и возможных последствий?

Знакомы мы с ней мало. И она женщина, что немаловажно. Между мужиками и то возникают недоразумения из-за того, что кто-то что-то неправильно понял, а женщины настолько эмоциональны, что с ними вообще часто невозможно трезво и рационально обсуждать сложные вопросы. Взять хотя бы мою тещу, Оксану – нормальная же была баба, пока ее гадалка не зомбирovala. А теперь, туды ее в качель, Терминатор: «включена программа уничтожения Пашки». И все, рациональные разговоры вести с ней бессмысленно.

Так что можно нарваться на проблемы, даже сказать правильнее – самому создать их себе на пустом месте из самых лучших побуждений. Мы же уже переговорили с Межуевым только что – переговорили. Решили все возможные проблемы – решили. А что вообразит главбух, если я расскажу про все недочеты у нее в бухгалтерии, и все ее махинации? Науке это неизвестно. Может вежливо поблагодарить и приняться деятельно зачищать улики и пробелы. А может, выпроводив меня, впасть в истерику и побежать к ближайшему таксофону. Начав звонить директору и другим важным людям, подчиненным Межуеву. Да еще и скажет что-нибудь типа – мне показалось, что он хочет меня шантажировать. Мало ли она мнительная, я же совсем ее не знаю? Я улыбнусь дружески, по-соседски, а она решит, что я цинично усмехаюсь и намекаю на взятку. И что тогда сделает тот же Межуев? Решит, что пацан невменяемый и чрезмерно наглый, и нажмет на гашетку.

Так что нет уж, спасибо. Быть добрым хорошо, но меру нужно знать. С такой крышей, как Межуев, не страшны главбуху никакие проверки, так что какая разница, какие у нее там проблемы в бухгалтерии. Хватит ей и того, что я не пушу в ход собранные материалы.

* * *

Машина отъехала, а Владимир Лазоревич принялся по стародавней привычке подводить итоги разговора.

Его не обманули – пацан чрезвычайно интересный. Он настолько любопытного молодого человека и не припомнит за последние годы... Да и его досье, что ему быстро собрали и на стол положили, очень необычно. Будучи школьником, выступить инициатором мощнейшей пропагандистской акции по празднованию Дня Победы во всей стране – это мощный старт. А затем – так серьезно засветиться во время работы Комсомольского прожектора. В большинстве организаций его работу просто саботируют, имитируя бурную деятельность, но по факту, не делая вообще ничего, кроме регулярных заседаний и никому не нужной болтовни на них. А тут – такие серьезные и прекрасно продуманные с аналитической точки зрения материалы.

Межуев специально навел справки – до появления Ивлева в Комсомольском прожекторе МГУ никаких серьезных исследований не велось. Все началось после поступления парня в МГУ этой осенью.

А его реакции во время беседы... Так себя ведут только многоопытные, хорошо пожившие люди, которые часто бывали в серьезных переплетях. Такое впечатление, что он во время беседы и слова не сказал, серьезно его не обдумав. Никакой восторженности, которую продемонстрировало бы большинство пацанов, только услышав, с кем они будут общаться. Никакого преклонения... хотя вот это уже было несколько обидно. Настороженность, постоянный анализ, расчет вариантов – вот что увидел Межуев во время беседы. Так себя ведут члены Политбюро, точно знающие, что ни один документ, что приносят им на подпись, не обходится без чьего-то интереса, и постоянно ожидающие подвоха. Невероятно!

Проблему с проверкой на мебельной фабрике можно считать решённой, в той части, что зависит от этого молодого человека. Странно, что он ничего не попросил взамен... но мало ли какой у него расчет. Но за Прожектором в МГУ теперь нужно постоянно присматривать... И время от времени наводить справки о судьбе этого молодого, да раннего...

* * *

Я решил, что мне стоит сразу зайти к Сатчану. Какие бы у меня раньше планы ни были... Вот только хороший вопрос – что ему говорить? Просто соврать, что ничего не удалось обнаружить, и все расчеты ведут к тому, что фабрика чиста от махинаций?

Неплохой вариант, но не без изъянов. Если потом, через другие каналы, его группировка все же обнаружит, что махинации есть, то доверие ко мне будет утрачено. Могут и проблемы начаться. Между тем, схема нашего сотрудничества с Сатчаном вполне рабочая, доверие между нами укрепляется, свои дивиденды я от этого получаю. Молниеносно оформили брак с Галией, несмотря на мой возраст – скандал все же был, да, но это сугубо из-за несносного характера моей собственной сестрички... не к ночи она будь помянута. Квартира опять же... мое обучение в МГУ – теоретически я и сам мог поступить, без его помощи, но зачем суетиться, если предлагают рабочий вариант?

Допустим, я ему не скажу, они полезут в эту историю с фабрикой дальше, а потом их показательно выпорют – Межуев не та фигура, с которой они смогут тягаться. А если вообще разгонят да поарестовывают? Что тогда с моей квартирой будет?

Так что, хорошенько подумав, решил, что множить тайны и подрывать доверие не в моих интересах. Сатчан для меня такая же инвестиция, как я для него. Буду с ним максимально откровенным, пусть он это оценит. Авось и верхушка его группировки будет серьезнее ко мне относиться. Да, точно, у них выхода не будет – как на простого пацана, пусть и толкового,

они больше не смогут на меня смотреть. Не после того, как я привлек к себе внимание такой шишки из высшего эшелона КПСС.

Но не окажется ли все наоборот? Не побоятся ли, что я, получив такой канал, как Межуев, солью их однажды, чтобы молниеносно взлететь наверх? И это не исключено... Хотя, все же нет. В ближайшие годы скорее всего не будут этого опасаться. Пока я студент. Ну зачем меня переманивать, если еще даже высшего образования не получил? Ну, дай бог, чтобы примерно так они и рассуждали.

Ну и кроме этого, есть же старые добрые способы показать, что ты лоялен. Попросить какую-нибудь награду за пережитый стресс, к примеру. Я же не подписывался на стрессовое общение с такой шишкой, как Межуев? А почему я оказался с ним в одной машине? Потому что выполнял их поручение. Кто пострадавший? Я пострадавший! Так, и что попросить в качестве компенсации? Еще одну квартиру, хе-хе... Нет конечно, рожа треснет.

Решил, что подумаю по дороге, и пошел к остановке, чтобы поехать к Сатчану. Пока ехал на автобусе, продумал свою тактику получше. И к разговору с Сатчаном был готов.

В очереди к нему пришлось все же посидеть – он у себя какое-то совещание устроил. Но недолго, я, к счастью, как сказала секретарша, подоспел к концу. Выйдя провожать своих гостей, Сатчан увидев меня, удивился и обрадовался. Ясно почему – дело у нас серьезное сейчас наклеывается, и он решил, что я что-то по фабрике нашел, раз не позвонил, а прямо так заявился. Небось, уже предвкушает дивиденды. Ну так я его сейчас обломаю...

Так и оказалось. Проводив меня внутрь, он выпроводил секретаршу погулять и закрыл обе двери на замок. А затем предвкушающе повернулся ко мне:

– Ну, рассказывай, что нашел!

Разве что руки, бедолага, не потирал от радостного возбуждения.

– Я на такое не подписывался, – изобразил я муки страдания, – это уж слишком!

Сатчан тут же насторожился. Всякая радость с лица исчезла. Понял, что проблемы. И он еще не знает, какого масштаба.

– Что случилось?

– Знаешь такого – Межуев Владимир Лазоревич? Лазоревич через «о».

Ему даже и думать не пришлось. Сразу кивнул, уверенно:

– И причем он здесь?

– Я тоже задался этим вопросом, когда меня сегодня настоятельно позвали в его машину на заднее сиденье переговорить.

Жаль, нельзя было сфотографировать лицо Сатчана в этот момент! Эпическая была бы фотка!

Глава 2

Москва

Кабинет второго секретаря Пролетарского райкома комсомола.

– Межуев?.. – наконец взял себя в руки Сатчан. – Вон оно как!..

Он замолчал и нервно заходил по комнате туда-сюда, лихорадочно соображая.

– А чего он хотел?

– Всячески мне намекал, что эта фабрика передовая, современная и на ней все хорошо...

– Ага... – невнятно ответил Сатчан, продолжая расхаживать.

Я молчал, он ходил.

– Где материалы по фабрике? – наконец спросил он, повернувшись ко мне.

– Дома, – честно ответил я.

– Уничтожить всё! – решительно распорядился он. – Что с результатами проверки?

– Есть лёгкий левачок... – начал докладывать я.

– Где твои расчёты? – перебил меня Сатчан. – Кто их видел? Кто о них знает?

– Никто, конечно.

– Уничтожить!

Круто! Даже как компромат себе не оставишь? Ну, тебе виднее.

– Все полностью я уничтожить не могу, – начал объяснять я. – Материалы на фото снимали, все знают и видели. Я просто извлеку все, где есть компрометирующие предприятие данные, а все безобидное приложу к отчету с самой положительной характеристикой фабрики.

Сатчан при этих моих словах напрягся, но потом кивнул. Хорошо, начинает приходить в чувство после первой паники.

– Меня другое больше волнует, – продолжил между тем я, изобразив испуг и крайнюю озабоченность, – это гарантирует, что меня не возьмут на карандаш в комитете партийного контроля? Знаешь, я сегодня пару лет жизни в машине Межуева оставил, думал, что меня в КГБ сейчас увезут и сгину я в подземельях Лубянки. И будет моя молодая жена меня всю свою оставшуюся жизнь оплакивать. И вырастет мой сын, не зная родного батьки.

– Вы что, уже? – удивлённо посмотрел на меня Сатчан.

– Нет. Но не всегда об этом сразу узнаешь... – ляпнул я лишь бы что, но Сатчан согласно кивнул.

– Чего хочешь? – спросил он, сразу сообразив, что я не просто так жалуюсь.

– Домашний телефон мог бы частично компенсировать мне мои сегодняшние страдания.

– Ну ты даёшь! – воскликнул Сатчан. – Дом новый, к нему кабель только через полгода, небось, подтянут. А может, и через год.

Ага, значит дело только в техническом исполнении. Принципиальных возражений нет. Дожимаем тогда...

– Ну, так можно взять на контроль, – подсказал я. – Чтобы не полгода кабель тянули, а три месяца.

– Ты не понимаешь, – устало проговорил Сатчан, садясь за свой стол. – Если на местном телефонном узле емкость всю выбрали уже, то и кабель не поможет. Это оборудование надо на всём узле менять или новое добавлять.

Ну, слышал я что-то такое... Но уж очень телефон хочется...

– Там же как-то выходят из положения, то ли спаренные номера ставят, то ли параллельные, – подсказал я. – Всё не во двор бегать к автомату. Только другим лучше спаренные, мне не надо. Сам понимаешь, нам конфиденциальность нужна.

– Не обещаю, – строго посмотрел на меня Сатчан, давая понять, что я совсем обнаглел и слишком много в качестве компенсации попросил.

– От этого всем польза будет. Гораздо быстрее все важное сообщать смогу в любой момент, – прозрачно намекнул, что ему в первую очередь не надо будет ждать моих звонков, а в экстренных случаях напрягать чужих секретарш.

– Не обещаю, – повторил он, но уже не так строго и что-то себе в перекидной календарь записал.

Хе-хе, будет у меня телефон. Никуда не денется. Последний аргумент решающим для него оказался, по глазам вижу. Зубами поскрипит, но сделает.

Сатчан тем временем встал, давая понять, что ему надо уходить. Собственно, и мне надо, хоть на вторую пару успеть. А Сатчан пусть бежит, ему надо докладывать своим, что облом с этой мебельной фабрикой. Не по зубам им её крыша. Даже иначе сформулирую – если крыша возмутится, у них вообще зубов не останется.

Пока ехал в универ, всё думал, насколько отношение к простым людям у разных уровней власти отличается. Чем выше на предприятии крыша, тем лучше к рабочим относятся. Это ещё моя тётя когда-то давно заметила. Она в НИИ работала начальником отдела, разрабатывали электронные системы охраны для предприятий. Датчики, сигнализации и всё такое... А тут госзаказ им спустили на частные дома и квартиры партноменклатуры. Инцидент что ли какой-то нехороший произошёл, но распоряжение вышло с самого верха о постановке на охрану всех служебных квартир, дач и тому подобных жилищ. Оплачивалось всё, разумеется, из бюджета.

И вот МНС, СНС и руководители отделов этого НИИ сами пошли по домам партийных работников и чиновников. Сами проектировали, сами устанавливали. Много времени в каждом доме проводили. Датчики на все окна-двери, пульта, провода по всему дому...

Начали с домов и дач республиканского начальства и работали года полтора, пока до глав районов не добрались и их замов. Работали несколькими бригадами. И вот какое интересное наблюдение все бригады сделали: чем выше уровень начальства, тем лучше к ним относились. Когда они только начинали у высокого начальства работать, их в каждом доме обедом в обязательном порядке кормили, чай в течение работы всегда доступен был или домашние морсы-компоты летом в жару. Но чем ниже становился уровень хозяев, тем хуже к инженерам относились. В конце работы с ними, как с прислугой обращались, ни о каком чае и речи не было, термосочки с собой возить приходилось.

Самое обидное, делилась тётка, что работали по этим домам сотрудники очень высокого уровня и по образованию, и по опыту работы. Простых сотрудников туда не пускали. Ещё тогда меня поразило такое разное отношение к людям у представителей разных слоёв партноменклатуры и прочего чиновничества.

В большой перерыв меня поймал Борщевский.

– Ну что? – сходу налетел на меня он. – Нарыл чего?

– Ничего не нарыл, Кирюх, – ответил я. – Все выходные просидел, ничего не обнаружил. Хорошее предприятие, даже отличное, я бы так и написал.

– Дай мне материалы, – вдруг требовательно заявил Борщевский. – Я сам посмотрю.

Ага, боится Самедовского гнева. Хочет проявить рвение и начальству угодить во что бы то ни стало. Да не вопрос, босс, данные я тебе предоставлю. Что ты сможешь слепить из них непонятно. Блин, опять подставится, похоже, мой начальник. Тяну его вверх, тяну, а он все не может лопату выкинуть, перестать яму себе рыть.

– Дома оставил данные. Собрание ведь не сегодня. Завтра принесу, хорошо?

– Не забудь!

– Конечно, – пообещал я.

Надо будет хорошенько фотки проредить, чтобы ничего лишнего ни к Борщевскому, ни к кому другому не попало. Ну его нафиг, связываться! Дам Борщевскому калькуляции, ведомости учёта материалов и выпуска продукции. Пусть копается... Там, чтобы что-то найти, рыть

очень скрупулёзно нужно, а результат копеечный. Ну, перерасходовали за квартал пару рулонов поролона, и что с того?

Отзвонился в общество «Знание», Константин Сергеевич подготовил мне на эту неделю две лекции на среду и пятницу. Записал адреса и время лекций.

Позвонил адъютанту генерала Балдина, попросил его завтра мне короткую встречу с ним устроить. Он сказал мне перезвонить ему через пять минут.

Перезвонил. Договорились, что приеду завтра к пяти часам вечера прямо на службу, в Генеральный штаб. Дал мне адрес и местный номер. Посмотрим, что за Генеральный штаб такой.

Позвонил ещё Серафиме Михайловне в институт Бурденко, попросил аудиенции минут на пять. Она решила, что мне по курсу лечения что-то надо уточнить и пригласила прямо сегодня. Очень удачно, что лекций нет ни сегодня, ни завтра, займусь решением семейных задач.

После пар поехал сразу в Бурденко, боясь опоздать на встречу с доктором. Ждал её в отделении на сестринском посту. Серафима Михайловна меня не узнала. Пришлось объяснять ей, кто я. Когда она поняла, пригласила меня в ординаторскую.

– Как дела у девочки? – заинтересованно спросила доктор.

– Всё хорошо, уже гораздо лучше. Ваши упражнения помогают очень, – начал я. – Серафима Михайловна, я сейчас по поводу той девушки, которая тогда с ней приезжала. Она в ординатуре ещё учится, а муж у нее офицер, его перевели в Москву служить. Ей надо перевестись в Москву куда-то. Она в таком восторге была от вашей работы. Нет ли у вас возможности взять её в ординатуру?

– Что же она сама-то не подошла? – сняла очки Серафима Михайловна и потёрла рукой усталые глаза.

– Она в Брянске сейчас в областной больнице, – ответил я. – В Москве не знает никого и ничего. Просила меня больницу найти, куда ей позвонить, написать. А я сразу про вас подумал. Она тогда так восхищалась вами и вашей методикой. Решил сначала к вам сходить поговорить, а потом уже ей звонить. А то обрадуется раньше времени...

– Я вспомнила её, – задумчиво смотрела на меня Серафима Михайловна. – Ну, пусть позвонит, поговорим.

– Спасибо! – обрадовался я. – Прямо сейчас ей позвоню! Её Инна зовут. Инна Жарикова.

Серафима записала и усмехнулась, глядя на меня. А я уже был на низком старте, готовый в любой момент сорваться и бежать на переговорный пункт.

– Иди уже, – рассмеялась она.

– До свидания! Спасибо вам! – я расшаркался, как мог и поспешил на почту. Мама до пяти работает, передам ей, а она Инне.

Минут через двадцать я уже разговаривал с Ахмадом. Он всё записал. Обещал передать маме. По голосу его я почувствовал, что он расстроился.

– Аришку тоже в Москву заберут? – спросил он.

– Да подожди. Пусть сначала сами переедут, устроятся, место в яслях получат, – ответил я. – Только завтра поеду узнаю, куда именно зятя перевели, ещё не факт, что он прямо в Москве служить будет. Может, в Подмоскovie где.

– Ааа, хорошо, – протянул с облегчением Ахмад.

Привязался к ребёнку, бедолага, как к собственному. Но ничего не поделаешь, рано или поздно племянку придётся вернуть родителям. Это жизнь...

Поехал домой с чувством выполненного долга.

А дома переполох! Жена полы на кухне намывает: мебель везут! Батя к ней подошёл сегодня между рамами, предупредил, чтобы дома вечером все были.

– Что же ты полы-то моешь? – улыбаясь, спросил я. – Сейчас таскать будем, туда-сюда ходить. Не разуваться же нам каждый раз.

– Ой, что-то я не подумала... – растерялась жена.

– Вытирай и заканчивай. А то грязь только развезём тут. Мебель же новая, её ещё собирать надо будет. Стены перфоратором долбить, чтобы шкафы повесить... Рано ты уборку затеяла.

– Да? – разочарованно поджала губы Галия. – А я уже и тюль купила. Думала, что повесим сразу сегодня. Шторы хотела купить, но в магазинах такой ужас висит! Я уже где только не была. Вот уж не думала, что красивую ткань на шторы купить нельзя.

– Как у вас на заводе дела? – поинтересовался я. – Ты, кстати, была там?

– Нет. Мебель же привезут. Юра сказал, что сам справится.

– Хорошо.

Только я успел переодеться и перекусить, как в дверь требовательно замолотили кулаками. Открыл дверь, а там батя с увесистыми коробками. Он выставлял их из лифта, а я затаскивал в квартиру. Лифт то и дело пытался закрыться, но батя удерживал его ногой. Наконец, мы освободили лифт и поехали вдвоём вниз.

– Спасибо! – протянул я отцу руку. А то мы так и не поздоровались.

– Мелочь всю перетаскали, остались тяжёлые коробки, – ответил батя.

У подъезда стоял небольшой фургон с надписью «Мебель». Водила внутри фургона подтаскивал коробки ближе к дверям. Когда мы вышли, он начал нам подавать их сверху. Мы сгрузили всё к подъезду. Батя расплатился с ним червонцем, и фургон уехал. А мы остались таскать коробки к лифту.

Тем временем мимо проходили соседи и, пока мы не заняли лифт, торопились подняться к себе домой.

Неожиданно появилась Анна Аркадьевна. Домой с работы возвращалась. Увидев меня, опешила.

– Павел! Это что такое? – возмутилась она. – Это зачем? Разве нельзя было сказать?

Она была так искренне возмущена, что батя перестал суетиться и замер, в растерянности глядя на неё. Я тоже слегка подвис от такого напора.

– Анна Аркадьевна, – подошёл к ней я. – Познакомьтесь, это мой папа, доцент Горного института.

– Что же вы?! – перебила меня возмущённо соседка.

– Анна Аркадьевна, главный бухгалтер на мебельной фабрике, – представил я её отцу. – Очень хорошей фабрики.

Отец немного опасливо протянул ей руку со словами «очень приятно».

– У нас кухни не хуже! – заявила с наездом соседка. – Что это? Польша? ДСП!

Ну вот, будет теперь мой гарнитур критиковать...

– Что вам ещё нужно из мебели? – настойчиво спросила соседка. – Спальню?

– Нет. Спальня уже есть, – тут же ревниво встрял отец.

– Стенка в гостиную, прихожая... – подсказал я.

– Ты знаешь, где меня найти! – строго посмотрела на меня соседка и пошла к лифту.

– Спасибо! – крикнул я ей вслед.

– Мы только на той неделе эту фабрику с «Комсомольским прожектором» проверяли, представляешь? – объяснил я отцу. – Мир тесен до безобразия.

– Это точно! Но соседка у тебя очень напористая. Я бы даже сказал приятно напористая, учитывая, что она тебе предлагает. – согласился со мной отец, и мы продолжили таскать коробки. Часть пришлось тащить на руках, они в лифт не влезли. И что в таком доме грузового лифта нет?

Наконец мы всё затащили в квартиру. Стали распаковывать. На каждой коробке приклеена этикетка с картинкой.

– Подожди, пап. Коробки и содержимое складывай вместе, – попросил я. – А то мы этот конструктор потом не соберём.

– Соберём! – с энтузиазмом ответил отец. – Куда мы денемся!

Он снял пиджак, засучил рукава рубашки, и мы принялись собирать такую долгожданную кухню. Тумбу под раковину оставили пока в стороне. Там ещё с сантехникой придётся повозиться, но это я уже сам.

Собрали все столы, шкафы и колонку. Прикинули вместе с Галией, что и где будет стоять. Стены долбить уже поздно было. Батя собрался ехать домой. Обещал завтра вечером помочь мне шкафы вешать.

– Сколько денег отдал? – спросил я его, когда он уже собирался.

– Триста кухня и пятьдесят сверху, – ответил отец.

– А за машину? – спросил я, доставая деньги.

– Это не надо. Я сам, – гордо сказал батя.

Отдал ему триста пятьдесят рублей. Мы попрощались.

– Спасибо! – от души поблагодарил я, пожимая руку отцу.

– Ещё спальня через неделю-две будет! – ответил довольный отец и пошёл пешком вниз.

Галия протирала всё, до чего могла дотянуться: фасады, полки внутри. Лицо её светилось от радости.

– Какое всё красивое, новое! – восторженно сказала она. – Ещё тюль повесим... – мечтательно произнесла жена.

– Цветочки на подоконниках разведём... – подсказал я и рассмеялся. Как же мне нравится, когда она такая довольная.

– Ткань бы ещё на шторы достать, – снова вспомнила про больную тему Галия и нахмурилась.

Будет тебе ткань. Откуда – ещё не знаю, но будет. Только не хмурься.

– О! Дорогая, забыл с тобой важный момент обсудить!

Жена настороженно посмотрела на меня.

– Инна же с мужем приедет в Москву. Им первое время жить негде будет. Ты не против, если они у нас перекантуются?

– Не против, конечно! – ответила жена. – Что за вопросы?!

– У них своих вещей будет целый контейнер из Ижевска. Наверное, гостиную пока не надо брать.

– Как скажешь, – легкомысленно ответила Галия.

Мы сели за новый стол на новых табуретках пить чай. Только тут я почувствовал, как устал. А мне ещё надо фотографии перебрать, отложить Борщевскому те, что фабрике не навредят. И Балдину надо что-то привезти.

Спать легли поздно.

На следующий день меня отловил Кирилл, я передал ему тщательно отобранные материалы по мебелиной фабрике.

– В четверг заседание, предупреди своих, – попросил он с важным видом. – Попробую разобраться, – помахал он у меня перед носом толстой стопкой фоток.

– Удачи, – как мог более серьёзно ответил я.

После пар позвонил в общество «Знание» Константину Сергеевичу, спросил, нет ли у него на примете какой-нибудь ткацкой фабрики, которая ткани портьерные выпускает, и которой лекция нужна. А то я бы почитал...

– Какой интересный запрос! – хитро поддел меня старый.

– Ну да. Шторы нужны, а хорошей ткани для них в магазинах не найти, – сознался я.

Все он понимает!

– Ладно. Что-нибудь придумаем, – смеясь, ответил он. – Заодно, у своей поинтересуюсь, может, тоже что-то купить не может.

– Вот это правильно! – похвалил я его.

Зашёл на переговорный пункт, позвонил маме узнать, всё ли она правильно поняла, всё ли сестре передала.

– Паша! – обрадовалась мама. – Она уже созвонилась с тем врачом! Всё хорошо! Её возьмут!

– Как оперативно, – удивился я. Молодец сестра, прямо на ходу подмётки рвёт! – Это она правильно сделала. Пока доктор помнит, о ком и о чём речь... Всё правильно! С Галией я уже поговорил, Жариковы могут у нас во второй комнате жить, пока своим жильём не обзаведутся.

– О!.. Спасибо! – обрадовалась мама. – Сейчас позвоню Инне. А то она голову ломает насчёт жилья... Тут ещё...

– Что?

– Да, из дома Клары Васильевны Инна съедет же. А они на деньги от сдачи дома уже рассчитывают...

– Так. Я понял. Надо найти новых жильцов хороших. Сколько вы платили?

– Двадцать рублей в месяц.

– Придумаем что-нибудь, мам!

Мы попрощались. Всю дорогу в Генштаб голову ломал, кого же в дом Клары Васильевны поселить? Мишка про общажных тараканов писал... Может ему предложить? Но он на стипендию живёт, двадцать рублей ему многовато будет, наверное. Кто из наших ещё в Брянск поступил? Кажется, Светка Герасимович. Надо ей предложить, батя с братом ей наверняка помогают, может и согласится.

Вышел на Арбатской и пошёл, как инструктировал адъютант Балдина. Быстро нашёл нужный подъезд, позвонил с КПП.

Генерал встретил меня с распростёртыми объятиями. Тут же передо мной чай оказался с лимончиком в гранёном стакане с подстаканником, как в поезде.

Долго благодарил его за подарок. Письмо от моё уже получил. Передал ему ещё фоток. Спросил про Славку, про водительскую школу. Генерал ничего не знал.

– Круглов! – позвал он адъютанта.

Тот подтвердил, что это его рук дело, что будет Славка служить с весны, как отучится, в ближайшей части к Святославлё.

– В военкомате все всё знают, – заверил нас майор.

– Вот, – одобрительно показал на него генерал.

– Я тоже хочу в автошколу, – сразу решил попросить я, раз этим адъютант занимается.

– Круглов, займись! – распорядился генерал.

– Есть, – усмехнулся Олег Игоревич. – Ты где живёшь?

– Метро Щербаковская, – ответил ему.

– После Нового года только...

– Хорошо! – обрадовался я.

– Вот и отлично, навык полезный, в жизни всегда пригодится, – сказал генерал.

– По поводу перевода зятя ещё хотел спросить, – вспомнил я, зачем пришёл. – Бабушка спрашивает, куда его перевели?

– В Сорок шестой НИИ. Хорошее место, – заверил меня генерал.

– Где это хоть?

– Город Бабушкин, напротив погранки.

О! Я прекрасно знаю этот район! Как тесен мир... И в будущем это уже давно Москва.

– Спасибо, – поднялся я, откровенно потрясённый. Не стал больше задерживать генерала. Ещё раз поблагодарил за подарок, передал привет от бабушки. Попрощался с ним и подошёл к майору.

– Как мне быть, после Нового года вам насчёт автошколы позвонить? – спросил я.

– И до и после, – подмигнул он мне. – В середине декабря контрольный звонок.

– Отлично! Спасибо.

Мы попрощались, и я поехал домой долбить стены на кухне, пока не очень поздно. И всю дорогу домой думал, как так получается, что места из моей первой и второй жизни регулярно пересекаются. Вспомнилась моя семья. Как они там сейчас, на Домодедовской? Хотя это и не Домодедовская сейчас, не важно... В прошлый раз никого так и не смог увидеть. Не пора ли снова навестить тот район?

Глава 3

Москва

Приехал домой, поужинал, оглядываясь по сторонам на кухне. С мебелью совсем другой вид. Надо карниз струнный повесить. Пусть хоть тюль одна пока повисит.

Успел повесить только один шкаф над мойкой, с сушилкой для посуды внутри. И надо было позаниматься, завтра семинар по истории КПСС. Галия тоже занималась рядом. Стол-то у нас пока один.

Вдруг, в вечерней тишине квартиры услышали агрессивный вой котёнка, похожий на нарастающий свист чайника на плите. И шипение на всю квартиру. Мурчелло никак не мог привыкнуть к Тузику. Выбирался из своей коробки под батареей в большой комнате только иногда по сильной нужде. Прокрадывался по ночам, когда Тузик спал в нашей комнате у нас в ногах.

А сейчас всё стихло, видимо, кот решил, что мы все спать легли, пошёл по делам. И нарвался на пса.

Мы с женой всё побросали и помчались в гостиную. Пес ещё сам молодой, играть хочет, но для котёнка слишком велик, может зашибить случайно.

Мурчик к стенке прижат, отступать некуда, изогнулся, хвост задрал, на цыпочки встал, даже когти выпустил, чтобы повыше казаться. А Тузику всё равно, он перед ним на передние лапы припал, хвостом машет, играть приглашает. Пёс нас увидел, от котёнка отвлёкся, а тот пулей мимо него пронёсся в сторону подоконника. Там у него теперь миска стояла с едой и водой, чтобы Тузик всё не зачищал. Сколько этого пса не корми, ему все мало...

Больше меня волновало, чтобы котёнок со страху не забыл, где у него ящик с песком. Ну ничего, привыкнут друг к другу скоро. Пока времени мало прошло. Главное, что Тузик агрессии к коту не проявляет. Со временем котятра это поймет.

– Давай, выведу пса погулять, пусть хоть Мурчик поест спокойно, – сказал я и пошёл одеваться.

Пробежался с псом на хорошей скорости минут двадцать и вернулся домой вспотевший. У меня ещё не восстановилась привычка с собакой гулять. Отвык, пока пёс у бабушек жил в деревне. Ему, конечно, тоже не просто. В деревне он в любое время перед дверью сел, поскулил, ему открыли, одного побегать выпустили. А тут всего два раза в день на улицу с ним выхожу, больше не получается. Ну, ничего, втянемся.

Завтра у меня лекция на консервном заводе. Хорошо хоть тема простая, готовиться совсем не надо.

Утром нас разбудили наши звери. Малый ночью, видимо, забылся и пришёл к нам спать по старой привычке. А Тузик его, утром проснувшись, учуял и давай из постели выковыривать. Ревнует.

Экстремальная побудка, короче. И мне, и Галие по лицу пробежались. Повезло, что не поцарапали.

Пока выгуливал Тузика, Галия приготовила завтрак. Разбежались в разные стороны. Жена напомнила, что у неё сегодня завод. А я ей, что у меня лекция.

* * *

Горный институт.

Диана так и сидела одна за партой. Это начинало её угнетать. Поговорить даже не с кем. Девчонки в общаге, Маринка и Верка, дружили друг с другом и им этого хватало. Диану они вынужденно терпели, и она это прекрасно понимала и чувствовала.

Появилось чувство уязвимости, новое для Дианы. Раньше всегда был рядом брат Тимур, подружки. А сейчас Тимур далеко. Пишет редко и всё больше с претензиями, что она ведёт себя, как дура. Что нельзя плевать в колодез... Причём тут колодез?! Мама тоже перестала писать ласковые письма, а всё больше требовательные: ты должна то, ты должна это... Одна Светка Герасимович пишет её хорошие письма, но всё больше про себя. Как она на одном семинаре хорошо отвечала, как на втором... Кому это интересно? Вот, если бы она написала, что с кем-то познакомилась! С каким-то симпатичным молодым человеком! Вот это было бы интересно.

Диана с сожалением взглянула на Рафаэля и моментально отвела глаза: он поймал её взгляд! Он наблюдал за ней!

Странный какой-то, – подумала с досадой Диана. – То отвергает в грубой форме. То подглядывает украдкой. Что от него ждать? Непредсказуем, как весенняя погода. Вот даже, если написать о нём Светке, то что писать?! Диана уже в своих собственных чувствах к Рафаэлю не была уверена. Её очень ранило, когда он отбросил её во время свадьбы Пашки и Галии. А потом ополчился против неё вместе со всей группой. Её уязвлённое самолюбие потихоньку подталкивало её сделать тот единственный шаг, который отделяет любовь от ненависти.

Диана прекрасно знала, чего достойна, какого отношения к себе заслуживает. И это совсем не то, что она видит от Рафаэля. Взять хотя бы Лёху, что с Пашкой учится. Он же влюблён в неё до мозга костей! Стоит ей пальцами щёлкнуть, и он будет у её ног. Да только к чему он ей, такой...

* * *

После пар меня перехватил Лёха, когда я по коридору мирно прогуливался. Показалось ему, что я уходить собрался:

– Ты куда?! У нас же заседание!

– Да помню, помню! – кивнул я ему и подошедшей к нам Свете Костенко.

Да уж, забудешь, после этого разговора с Межуевым!

– А что ты, разве не обнаружил ничего плохого на мебельной фабрике? – спросила Света.

– Нет, – развел я руками. – Кроме талантливого руководства, ничего. Хорошее предприятие, образцовое. Вы же сами там были, своими глазами все видели.

Ребята согласно закивали головами. Мы расселись в приёмной Самедова и ждали Борщевского.

– Как дела? – загадочно улыбаясь, под села ко мне Маша. – Как Галия?

– Всё отлично. Как вы с бабушкой? Передавай ей, кстати, от нас с женой привет и низкий поклон.

– Передам, – улыбнулась Маша. – А мы хотим вас пригласить на выходные в заказник. Родители Вити тащат его, а он не хочет без меня. А мама его говорит, что мне скучно будет там со стариками... Короче, они предлагают пригласить ещё кого-нибудь из молодёжи. Вот мы с Витей и подумали про вас. Вы женаты, вам у родителей отпрашиваться не надо. Поехали с нами! – она умоляюще сложила ладошки и такую рожицу скорчила.

– А тебя-то как отпускают незамужнюю одну? – улыбаясь, спросил я.

– Я уже совершеннолетняя, – задрав нос, ответила Маша. – И потом, моя бабушка знакома с родителями Вити. Они и её пригласили, но она ещё не решила, ехать или нет.

– А чего она думает? – удивился я. Отдохнуть на охоте, что может быть прикольнее.

– Да она говорит, чего она там не видела...

– Мы с удовольствием съездим с вами. Галия охотник неплохой. С отцом своим часто на охоту ходила. Думаю, с огромной радостью согласится.

– Ура! – взвизгнула Маша.

Какая же она смешная, – улыбнулся я. – И счастливая. Так приятно на счастливых женщин смотреть.

В приёмную влетел сосредоточенный и важный Борщевский и с ходу пронёсся в кабинет Самедова, позвав нас за собой кивком головы.

– Прошу прощения за опоздание. Акт печатал по итогам проверки мебельной фабрики, – важно заявил он и положил перед Самедовым машинописный листок.

– Это всё? – отложил он акт и взглянул на меня.

– Можно посмотреть? – протянул я руку за актом. – Кирилл в этот раз сам анализ делал...

Самедов удивлённо вскинул брови и подал мне акт.

Ну как я и думал, Борщевскому захотелось славы и фанфар, и он пустился во все тяжкие. Нашел «очень подозрительные», но на самом деле незначительные перерасходы материала. Кирилл радостно делал самонадеянный, ничем не подтвержденный вывод, что то ли запорол и в отходы списали, то ли на левый товар пустили. Но только на основании небольшого перерасхода одного вида материала, да даже двух, делать выводы о левом выпуске не стоит, чревато. Можно в разговоре с предполагаемыми бенефициарами блефануть с помощью этой информации. Но на серьёзные доказательства злого умысла это всё не тянет. Самедов не идиот, сразу это понял. Кирилл только один с видом победителя смотрел на нас всех свысока...

– Павел, посмотри внимательно, – сказал Самедов, глядя прямо мне в глаза. – Не хотелось бы пропустить что-то серьёзное.

Намекает, что написанное Кириллом ерунда, и ему нужны по-настоящему серьёзные улики, что на фабрике что-то нечисто. Все еще гнет свою прежнюю линию, что нам нужно что-то там обязательно найти. Вот же как его группировка положила глаз на современное предприятие, выпускающее дефицитную продукцию!

Придётся вскрывать карты.

– Рашид Фархатович, можно с вами с глазу на глаз переговорить? – не отводя от него взгляда, спросил я.

В кабинете повисло напряжённое молчание. Студенты удивлённо переглянулись между собой. А бедный Борщевский растерянно переводил взгляд с меня на Самедова.

– Оставьте нас, – распорядился хозяин кабинета. – Подождите в приёмной.

Все вышли, и мы остались с Фархатычем одни. Как вести разговор? В открытую? Решил в открытую, лучше сразу расставить все точки над «и».

– Рашид Фархатович, – начал я. – В понедельник с утра у метро меня перехватили некие люди и очень настоятельно попросили сесть в машину... в чёрную Волгу, – я смотрел в глаза Самедову. – Человек на заднем сидении, куда меня усадили, интересовался результатами рейда на фабрику. Я сказал ему, что фабрика замечательная и рейд ничего не выявил. После чего он похвалил меня за сообразительность. А фамилия этого человека Межуев, – я выждал немного, пока Самедов опять начнёт дышать. – Да-да, который Владимир Лазоревич, через «о». Рашид Фархатович, прошу меня понять и простить, но я ничего плохого про эту фабрику ни писать, ни подписывать не буду.

– А что сразу не сказал? – агрессивно спросил меня хозяин кабинета.

– Да я вообще не из болтливых, – улыбнулся я, – не начини Кирилл на пустом месте ерунду про нарушения придумывать, я бы и сейчас промолчал. Но раз он начал, я обязан вас предупредить, чтобы вы у него на поводу не пошли. Сами понимаете, что человек такого масштаба может со всеми нами сделать, если серьёзно обидится.

Комсорг понимал. Еще как понимал, судя по его взгляду. Вся агрессия исчезла. Он вспомнил, что, в принципе, он мне никто, чтобы я такие вещи просто так разбалтывал. И я

даже увидел, если не показалось, нотку одобрения во взгляде, что я не из болтливых. Ну так я потому так и сформулировал. Мало ли мне с ним какие дела еще надо будет делать серьезные в будущем, пусть у него закладочка в мозгу останется, что я не побегу тут же трепаться об этом направо и налево.

Фархатыч встал из-за стола и подошёл к окну. С минуту он о чём-то думал.

– Зови всех. – наконец, повернулся он. – Спасибо, что сейчас предупредил. Материалы, что Кирилл принес, там все чисто? Не будет по ним проблем для фабрики?

– Если его отчет подчистить от всяких обвинений, то нет, – заверил его я, – комар носу не подточит.

Я пригласил всех в кабинет. Лёха, Светка и Маша озабоченно поглядывали на меня. А Борщевский уже понял, что что-то не так, и победителем больше не выглядел.

– Заключение, что представил Кирилл, нужно будет переделать. – спокойно огласил своё решение Самедов. – Хорошая фабрика, мне приятно то, как там заботятся о рабочих. Не надо там всяких необоснованных замечаний из воздуха лепить. Павел, займись этим. А материалы по фабрике приложи к акту. Кирилл, передашь все Павлу.

– Хорошо. – ответил Борщевский, вопросительно глядя на Фархатыча, ожидая ещё каких-то распоряжений. Взгляд у него был, как у побитого пса, любящего хозяина и не понимающего, что он сделал не так. Велели же грязь найти, вот он весь в ней, а хозяин недоволен...

– Всё. С этой проверкой закончили. – подвёл итог Самедов. – Свободны.

Мы вышли, и команда обступила меня, вопросительно глядя.

– И что это было? – озвучил интересовавший всех вопрос Кирилл.

– Просто рассказал на словах, как там все организовано здорово. И станки новые, и рабочие довольны. А уж как о них заботятся! И в такой ситуации предъявлять предприятию небольшой перерасход... Чревато для нас, если по этим материалам устроят настоящую, большую проверку, и ничего не подтвердится. Репутация у «Комсомольского прожектора» должна быть кристально чистой. И комсорг согласился.

– Да ну тебя! – обиделся Борщевский, развернулся и пошёл прочь.

– Кирюх, не забудь мне все материалы по фабрике сдать! – напомнил я ему в спину. Обидеться он обиделся, но, обернувшись на мгновение, все же кивнул.

Мы пошли на выход. Девочки шли впереди, а мы с Лёхой чуть отстали.

* * *

Оформительский цех завода имени Лихачёва.

Галия, Юра и Василий Иннокентьевич колдовали над праздничной группой. Загрунтовали фанеру сразу в нежно-голубой цвет, а ель заднего плана в тёмно-зелёный. Шура с Петровичем два дня подготавливали заготовки под роспись. Пропитывали и красили. И вот теперь пришла очередь собственно росписи.

Юра с Василием Иннокентьевичем занимались основной заготовкой. А Галия и Шура расписывали ель. Им показали, как это нужно делать, они быстро сообразили и делали, как им сказали.

– Иголочки и ветки будут сохнуть сегодня и завтра, а потом начнёте елочные игрушки рисовать, – планировал работу Василий Иннокентьевич. – Девчонки, принесите из дома ёлочных игрушек, чтобы было на что смотреть. Натура нужна же. Шары, снежинки, зверушки, сосульки... Что рисовать проще.

Галия с Шурой переглянулись.

– Это мы запросто! – заявила малярша и подмигнула растерявшейся Галие. – Подумаешь, сосульки нарисовать?

Галие очень нравилось здесь работать. Она не умела рисовать завитушки в поздравлениях, Эдичка ей показал, и у неё сразу получилось. Не умела елку рисовать, Юра с Василием Иннокентьевичем показали, и, пожалуйста, прекрасная ель получается.

И с игрушками так же будет. – убеждённо подумала она, улыбнулась Шуре и продолжила расписывать дерево. – Только, где взять игрушек? У них же с Пашей ещё нет ничего.

В разгар работы дверь в мастерскую неожиданно открылась и вошёл Эдичка. Все уставились на него в ожидании. Он подошёл к коллегам, оценил обстановку, несмотря на всё ещё болезненное состояние, и, поджав губы, кивнул одобрительно головой.

– Молодцы. – не обратив внимания на постороннего Юру, он уставился на Галию. – Мне надо с тобой поговорить. – заявил он и потащил её за руку к выходу из мастерской.

Василий Иннокентьевич, нахмурившись, направился следом за ними.

– Галия! – развернулся к ней лицом Эдуард, как только они оказались в коридоре, и схватил её за вторую руку. – Я тебя люблю! Зачем ты вышла замуж?! Разводись! Выходи за меня!

– Эдик, Эдик! – появился откуда-то Василий Иннокентьевич. – Ты ещё не в себе. Оставь девушку в покое. – он переключил внимание Эдуарда на себя и подтолкнул Галию к двери в мастерскую, загородив ее собой. – Иди домой. Отлежись ещё. Что ты пришёл?

Галия прошмыгнула вовнутрь. Праздничное настроение разом куда-то улетучилось.

– Что там такое? – подошёл к ней Юра, вытирая руки. – Что ему надо?

– Зачем, говорит, ты замуж вышла? – ошарашенно повторила Галия.

– Ха! Во даёт! – воскликнул Юра. – Выкинь из головы. Пошли работать.

Выкинь из головы. Легко сказать! А Галия поняла, что с этого момента она начала бояться Эдичку. Она не сможет больше спокойно находиться с ним наедине в этой мастерской. А жаль.

Может, всё ещё успокоится, когда он выйдет на работу? Хотелось бы верить...

* * *

Лекция на консервной фабрике прошла великолепно. Тема «Эффективность советского производства». Я просто рассказал работникам, что захожу в группу «Комсомольского прожектора» и бываю на разных предприятиях. Привёл им пару примеров: пищекомбинат, на котором газировку разливали, как пример предприятия плохого, которое после нашего визита было закрыто, и мебельную фабрику, на которой были в последний раз, как предприятие образцовое. Ну да, если даже кто мне не поверит, что оно именно такое, и сунется туда проверять, найдется человек, который мои слова так подтвердит, что мало не покажется.

Простым языком объяснил им, что такое хозрасчёт, рентабельность производства. Прибыль предприятия. И плавно подвёл их к тому, что каждый из них заинтересован в увеличении прибыли. Это и новое оборудование, и улучшение условий труда. Это повышение производительности и качества. Это повышение зарплат. Это бесплатный комплексный обед в столовой, это дополнительные отпуска матерям и бабушкам на первое сентября по колдоговору и многое другое. Призвал рабочих активнее участвовать в жизни родного предприятия, не допускать небрежного отношения к материальным ценностям и халатного отношения к своим трудовым обязанностям.

После лекции меня отвёл в сторонку профорг, который меня и встречал перед лекцией.

– Эх, не знали мы, что такая лекция интересная будет. – с сожалением проговорил он. – Я бы директора позвал. Они с главным инженером не ходят на такие мероприятия. А тут... – он восторженно развёл руками. – Пропаганда должна использовать новые идеи, чтобы быть эффективной. – доверительно начал он. – Мы уже давно подумывали, что слова и идеи надо более доходчивые искать. Спасибо вам! На хорошие мысли натолкнули.

Он отвёл меня в профком и попросил вкратце накидать для него основные тезисы моей сегодняшней лекции. Предварительно отправив свою помощницу куда-то. Быстренько выполнил его просьбу и хотел рвануть домой, но меня не отпускали, пока не вернулась помощница с дарами. Вот оно что! Они не подготовились... Решили, что придёт очередной зануда, а тут рабочие не то, что не храпели, уснув под скучную лекцию, они вообще не спали, а слушали и задавали вопросы. Решили отблагодарить по-своему, всучив мне две прочно обвязанные шпагатом коробки.

Ох, а увесистые! До проходной одну из коробок профорг мне дотащил, а дальше сам. Это мне что, такси надо брать?..

Но как-то все же сумел допереть на общественном транспорте и пешком. Ободрил себя мыслью, что давно физкультурой, помимо пробежек поутру и отжиманий дома, не занимался, ну, не считая занятий в универе, так что «надо, Федя, надо!». Кстати говоря, пора начать заниматься физкультурой более системно. Секцию найти нужно – график мой более-менее устоялся, кроме лекций по «Знанию», так что теперь понятно, когда могу посещать занятия.

Затащил коробки домой, опустил на пол на кухне.

– Разбериай, – сказал жене и обессиленно плюхнулся на табурет. Тяжёлый день сегодня был. А ещё позаниматься надо хоть немного и с собакой погулять. – Как у вас дела на заводе?

– Игрушки ёлочные нужны. – ответила жена, ставя передо мной тарелку с жареной картошкой. – И мне кажется, в нашем почтовом ящике что-то лежит. Где ключ от него?

– Зачем вам игрушки? – не понял я. – На нарисованную ёлку повесить? С Тузиком гулять пойду, почту проверю.

– Хорошо. Игрушки нужны, как образец для нашей входной группы на фабрике. Срисовывать будем с них.

Давно уже хотелось мне съездить на старый наш район, в хозяйственный магазин наш сходить, детство вспомнить. В порядке ностальгического туризма. Жаль, нельзя рассказать Галие, чем мне тот район важен и тот магазинчик тоже. Надо, кстати, отмазку придумать, почему мы именно туда пойдём, а не в центр в один из крупных магазинов. С ее точки зрения логики в таком моем поступке точно нет. Я же не жил раньше в Москве по ее сведениям.

– Когда тебе надо? Может, съездим завтра после учёбы в один магазинчик? – предложил я. – Юрка справится без тебя?

– Справится. Я с ним передам, что за игрушками для работы поехала.

– И себе заодно купим. Да? Нам же тоже нужна будет ёлка.

Глава 4

Москва

После ужина взял собаку и ключи от почтового ящика и пошёл на улицу.

В ящике лежала записка: «вам телеграмма, дома не застала, приходите на почту или позвоните по телефону... почтальон».

Ну, могла бы в двери телеграмму воткнуть. Работает ещё, интересно, почта?

Набрал с автомата. Нет, конечно, никого там уже нет. Ладно, утром забегу на почту перед универом. Что уже случилось, блин?

Побегали с Тузиком по округе. Постарался выгулять его как следует, чтоб набегался и нарезвился. Может, к котейке будет поменьше приставать. Вроде потихоньку налаживаются у них отношения, но очень уж медленно. Пес все своим темпераментом портит, а кот характером склочным и чрезмерной пугливостью.

Интравертный котик нам достался. Будь его воля, целыми днями лежал бы, зашившись в какой-нибудь уголок и никто ему особо не нужен. Ага, размечтался. Не в этой квартире, и не с этим псом. Тузик со всей своей детской непосредственностью выковыривал котофея из любого закоулка с целью «поиграть», хватая при этом за то, что ближе, без каких-либо церемоний. Так что напряженное перемирие между животинками подвергалось серьезным угрозам по несколько раз на дню.

Будь моя воля, давно бы Мурчик у бабушек жил. Но тогда очень уж напряженное перемирие настало бы не у кота с собакой, а у меня с молодой женой. Так что счет пока был в пользу кота. А мы с Тузиком нарезали круги по району. Нагулявшись, побежали домой.

Котёнка не видно и не слышно. Где он прячется?

– Мурчик, Мурчик! – стал звать я.

– Здесь он, – откликнулась из кухни жена.

Оказывается, с тех пор, как на кухне появилась мебель, котёнок стал прятаться на ней от собаки.

– Ну, хотя бы чувствует себя спокойно. – заметил я. – Вон, дремлет. А не в панике сидит, уши прижав.

– Конечно. Высоко сижу, далеко гляжу! Да, Мурчик? – ласково потрепала котёнка Галия. Тот проснулся и потянулся.

– В коробках, которые ты принес, оказались концентраты, – доложила Галия.

– Я на консервном заводе сегодня лекцию читал. Немудрено. А что за концентраты?

– Кисель клубничный, кисель вишнёвый, супов всяких разных в пакетиках, каша перловая в банках, каша рисовая, каша гречневая... – выкладывала Галия на стол брикеты, пакеты и консервные банки. – А это что такое? Каша что ли, какая-то?.. – она показала мне брикет, похожий на брикет киселя.

– Ну, там же написано, как это готовить? – спросил я. – Давай, попробуем сначала, что это такое и можно ли это есть. Потом уже решим, надо ли этим делиться с кем-то...

– О, смотри, суп с белыми грибами. – потрясла Галия пакетом.

– Здорово, это может быть ценной вещью! Ну, хорошо, что это всё сухое и не портится, а то холодильника пока нет.

– Давай может, пока зима, тумбочку какую-нибудь старую на балкон поставим, вот и будет холодильник.

– Ага, заледевшее молоко в кофе как наливать? – отмахнулся я. – Нет. Надо думать о нормальном холодильнике.

Эх, тяжело быть студентом! Даже в очередь не стать на предприятии, как все, кто на них работают, делают. Нет очередей на холодильники для студентов в СССР. Видимо, власти счи-

тают, что мы все по съёмным углам и общагам должны мыкаться, а не холодильниками в своих квартирах разживаться. Но это я так, привычно ворчу, придумаю я, как добыть холодильник без всякой собственной очереди. Есть уже идеи на этот счет...

Договорились во время завтрака с Галией встретиться после пар на метро Октябрьской в центре платформы. Если кто-то из нас припоздает, то не надо будет на холоде ждать.

По дороге к метро вспомнил, что на почту еще нужно зайти. Пришлось сделать небольшой крюк. Телеграмма была от Петра. Приедет в субботу, если не будет задержки с отправкой контейнера. Коротко и ясно. И куча «тчк», улыбнуло. Значит, в субботу.

После пар понёсся на встречу с женой, предвкушая поездку в свой старый район, представил предновогоднюю атмосферу своего детства. Как удачно совпала необходимость прикупить для нее ёлочных игрушек по работе с моей резко обострившейся ностальгией по родным местам!

Повёз Галию на Каширскую. Потом ехали на автобусе. Я не очень помню этот район деревянным, мне было лет шесть или семь, когда здесь всё начали сносить. Вернее, начнут... Года до семьдесят седьмого здесь снесут все деревни и построят целые кварталы девяти и двенадцатиэтажных домов. Устроят району транспортный коллапс... А, кстати, как так получилось, что родители в этом же районе такую крохотную квартиру получили после сноса нашего деревянного дома? В семье я уже есть, сестра уже есть, брат только еще не родился... Почему им всего лишь однушку дали? В детстве об этом не думал, понятное дело. А сейчас интересно.

Мы пришли в магазин хозтоваров. Он уже был украшен, так, как я и запомнил на всю жизнь, многочисленные кусочки ваты на ниточках свисали с потолка. Стал искать глазами прилавки с игрушками. Да. Уже выложили. Метнулись вдвоём с женой туда. Галия принялась рассматривать их, брала понравившиеся из наваленных целыми горками куч и подавала мне. Она, как ребёнок, металась вдоль прилавка и хватала всё подряд, да ещё и в двух экземплярах.

– На работу и домой! – возбуждённо выбирая разноцветные шары, объясняла она. – Дома же вообще ни одной игрушечки нет.

– Как же вы так живёте? – услышав Галию, спросила рядом стоящая тётка с сумками в обеих руках.

– Молодожёны. – быстро пояснил я. – У нас ещё вообще ничего нет, кроме щенка и котёнка.

– Чего это, ничего нет?! – возмутилась жена. – У нас уже кухня есть. Вот ёлку купим, игрушками нарядим.

– Ага. Где-то я это уже слышала! – рассмеялась тётка. – Ёлка... Котёнок со щенком...

– Пришли ребята вскоре, а ёлка на полу. – услышали мы рядом детский голосок. – Немало было горя котёнку и щенку.

Я не верил своим ушам. Мы учили в первом классе эту песенку...

– Их так нахлопали, их так нашлёпали, – продолжал тихонько, себе под нос, петь мальчишка.

– Что было очень стыдно котёнку и щенку. – допел я.

– Вы тоже знаете эту песню? – с детским наивным удивлением взглянул на меня мальчишка.

– Привет. – присел я перед пацаном. – Как тебя зовут?

– Паша.

– О! И меня тоже.

Галия заинтересовалась нашим разговором.

– Тоже игрушки выбираешь? – спросила мальчика она.

– Нет. Я только посмотреть.

– Хочу сделать тебе подарок, Паша. – сказал я. – Выбери себе три игрушки.

– Правда? – глазёнки у него загорелись.

– Да что вы, чужому мальчишке будете игрушки покупать? – с сомнением глядя на нас, спросила покупательница.

– Он не чужой, он тёзка. – ответил я. – Знаешь, кто такой тёзка? – спросил мальчишку. Он пожал плечами, немного испуганно поглядывая на тётку. – Мы оба Паши, значит, тёзки, это те, кого зовут одинаково. Понял? – он кивнул. – Выбирай игрушки.

Мальчик выбрал гриб и зайца на прищепках и большой шар с рельефными изображениями по бокам.

Я расплатился за все игрушки. Галия руководила, что с чем вместе упаковывать.

Мы вышли втроём из магазина. Пашка бережно нёс свой свёрток. Поздравив его с приближающимися праздниками, пошли домой. Настроение было просто изумительное. Галия шла очень задумчивая, но довольная. Внезапно пошел снег и в воздухе затанцевали тысячи снежинок.

– Волшебный вечер просто! – прошептала Галия, глядя вокруг полными восторга глазами.

Да, точно, волшебный...

– Давай, на завод заедем. – попросила радостная жена. – Посмотрим, как там дела и игрушки оставим, чтобы мне их в институт завтра не тащить.

– Конечно, давай, заедем. – согласился я.

У второй проходной завода, через которую мы всегда ходили, что-то происходило. Ворота настежь, на территорию проехала скорая. Внутри мы увидели милицию и толпу народа на улице. Никогда такого не было. Обычно все по рабочим местам сидят. Начало темнеть. Что происходит, было не разобрать. Мы с женой, не сговариваясь, перешли на бег.

– Смотри! Это же у нас! – воскликнула Галия.

– В смысле, у вас?

– Корпус наш.

Мы подбежали к толпе.

– Что случилось? – спросил я.

– Да вон, товарищ прыгнуть грозитя, – усмехнувшись, сказал работяга в телогрейке и достал пачку папирос. – Говорят, жена от него ушла...

– Ну ушла и ушла. – пробормотал я, вглядываясь вверх и пытаюсь понять, на каком хоть этаже прыгун. – Баба с возу – кобыле легче.

Работяга одобрительно хмыкнул, а мне ощутимо прилетело в бок. Оглянувшись, увидел строгое лицо жены.

– Милая, я пошутил! – улыбнулся я.

– А что ты шутишь, когда у человека трагедия? – спросила меня жена строго.

– Извини, люди по-разному реагируют на такие вещи, – повинился я, – врачи вон, даже шутят в морге вовсю. Стресс так снимают. Вот я и попытался сгладить для себя остроту ситуации...

– Га-алечк-ааа! – вдруг раздался сверху душераздирающий вой.

Мы с женой застыли, уставившись друг на друга, потрясённые догадкой.

– Эдичка... – прошептала жена. – Он меня вчера замуж звал...

– Чего?!

– Ну да. Иннокентич решил, что он ещё в себя не пришёл после запоя. Домой вроде его отправил.

– Видимо, не дошёл до дома, или решил вернуться, – пробормотал я.

Мастерская находилась на втором этаже. Вроде как и невысоко. Но потолки в корпусе пять или шесть метров. Второй этаж, как обычный третий. Хотя, сколько я ни всматривался сквозь сумерки, ни одного открытого окна во всём корпусе не увидел.

Оглядевшись по сторонам, подошёл к скользящему милиционеру возле милицейского УАЗика.

– Слушай, командир. – обратился я к нему. – Что тут творится? Где этот прыгун?

– На крыше. – ответил тот.

Блин! Три этажа по пять-шесть метров, это все пять обычных. Хана будет Эдичке, если сдуру спрыгнет. Вот же дурной на голову художник... Ну пьешь ты себе, так пей спокойно, зачем же фантазировать так ярко по поводу чужой жены...

– Это он мою жену зовёт. Придумал по пьяни себе не пойми чего, – показал я милиционеру в сторону Галии. – Кто там сейчас наверху с этим придурком? Может, если он её увидит, то спустится?

Страж порядка сразу подобрался, закрылся в машине и давай по рации со своими говорить. Затем выскочил из машины и бегом ко мне.

– Давайте, поднимайтесь туда! – велел он нам.

Мы поспешили к подъезду. Навстречу нам выбежал ещё один милиционер и повёл нас по лестнице на крышу. Под открытым люком в потолке на последнем этаже стояли Юрка Бахтин, сотрудники Эдички и старый художник. Им не разрешали подняться. Милиционер, нас сопровождавший, велел нам тоже остаться, а сам поднялся по металлической лестнице на крышу.

– Тут такое! – кинулся к нам Юрка. – Похоже, этот Эдичка белочку словил!

Мы с ним поздоровались.

– Всё может быть. Слишком резко из запоя вышел... – задумчиво подтвердил Василий Иннокентьевич и тоже протянул мне руку.

– Меры некоторые не знают. Вот надо, как я. – протянул мне руку ещё один сотрудник мастерской. – По чуть-чуть, но ежедневно.

– Скажешь тоже, Петрович. – отмахнулся от него старый.

– Да не переживайте так, – сказал я ему, видя, как он нервничает. – Там уже скорая приехала. Сейчас его увезут, прокапают, закодируют. Как новенький будет.

– В психушку его упекут после такого... – обречённо сказал дед. – А потом уволят. Устроил тут!.. Не мог по-тихому, как всегда. Все же всё понимают, глаза закрывают. Но сейчас!.. – он с досадой махнул рукой.

За своего печётся... И ведь верно, это же СССР. Власти терпеть не могут вот таких вот попыток самоубийств в общественных местах. Обследование в психушке – самое мягкое, что ждет Эдичку, если удастся его сейчас удержать от прыжка. А как бы вообще не законопатили на несколько лет... Ой, дуралей!

Тут в люке наверху показалась голова в милицейской шапке.

– Подымайтесь! – крикнул он, глядя на меня с Галией.

Поддерживая жену, я поднялся за ней на крышу. Там было полно народа. Два врача. Двое в гражданке, видимо, начальство заводское, четыре милиционера в форме. Мы с женой. И, собственно, Эдичка. Он сидел на бетонном бортике, окаймляющем всю крышу. Толщиной он максимум кирпича два. Эдичка сидел боком, и, хотя обе его ноги были на стороне крыши, ему достаточно было просто откинуться назад, и он полетел бы вниз головой. Он сидел, наклонившись вперёд и смотрел перед собой.

В темноте мне показалось было, что он спит, но вдруг он резко поднял голову к небу и опять раздался душераздирающий вой:

– Га-алечк-ааа!

Галия испуганно оглянулась на меня. Тут нас заметили.

– Ваша задача отманить его от края крыши, – сказал, подойдя к нам, майор милиции. – Мы отойдём, а вы зовите его, – сказал он Галие.

Мы оставили её одну рядом с открытым люком, в котором засел один из милиционеров, готовый выскочить в любую минуту. Я зашёл за ближайшую вентиляционную будку.

Остальные тоже попрятались кто куда.

– Эдуард Владимирович! – прокричала Галия в темноту.

– Громче зовите! – услышал я откуда-то сверху. Оказалось, майор на мою будку залез и там залёг.

– Эдуард Владимирович! – прокричала ещё раз Галия.

Этот дятел слышал, но не понял в темноте, откуда донёсся голос.

Галия сделала шаг в его сторону.

– Стой! – крикнул я и выскочил за ней. Нервы сдали.

Вспомнил, как к Славке подбирался на обрыве. Встал в полный рост. Остановил Галию. И пошёл к этому придурку спокойно, не прячась. Пока он в темноте, да с пьяных глаз разобрал, кто к нему подходит, я уже тянул его на себя подальше от края.

Мужики налетели, скрутили этого барана. Галия в меня вцепилась, расплакалась.

– Всё, всё, всё. Не плачь, – поднялся я. – Где твои игрушки ёлочные?

Обнял её за плечи и повёл к люку. Там остались только коллеги Галии. Эдичку увели и все официальные лица спустились вместе с ним.

– Ты что такой грязный! – воскликнула ещё одна женщина из их коллектива, пока я спускался, поддерживая спускающуюся следом Галию.

Только оказавшись на освещённой лестничной площадке, мы с женой обратили внимание на моё пальто. Вывозился я на крыше знатно.

– Снимай, – велела коллега жены. – Сейчас растворителем почистим.

– Это бензином надо или керосином, – подсказал ей Петрович. – Иннокентич, где у тебя керосин?

– Пойдёмте к нам, – опомнился старый. – Что мы тут стоим.

Юрка протянул мне наши свёртки с игрушками, взял наши портфели и потащил вниз. Мы с женой, оказывается, на автомате у лестницы под люком всё побросали, когда нас наверх позвали. Хорошо, хоть это СССР – в девяностых кто-нибудь под шумок обязательно бы приделал ноги к нашему имуществу.

В мастерской Галия пришла в себя, поставила греться чай. Отвела меня руки помыть. Когда мы вернулись, нас уже ждал Михаил, помощник местного комсорга.

– Ну устроили вы тут сегодня! – воскликнул он, увидев нас и бросаясь нам навстречу. Впрочем, по его возбуждённому лицу и искрящимся любопытством глазам я понял, что он нас не ругать сюда пришёл.

– Так это не мы, – протянул я ему руку.

– Да знаю, знаю... – примирительно сказал Миша. – Рано или поздно этим бы закончилось. Да, Василий Иннокентьевич. Вы ещё в прошлый раз говорили, что он раз от раза тяжелее выходит. Вот и не вышел вообще. Что с ним теперь делать?

– Жаль дурака, – сказал старый. – Он талантливый. Может, дадут ему ещё шанс?

– Алкоголизм не лечится, народ, – сказал я. – Можно только взять и отказаться от алкоголя сознательно. Но это очень тяжело. Любой запретный плод, сами знаете, сладок. Он сам должен захотеть. А захочет он быстрее, когда последствия появятся. Надо было раньше его увольнять, быстрее опомнился бы.

– Или совсем бы скатился. – добавил Иннокентич.

– Так все равно ведь скатился, – ответил я. – Тут уж ничего не поделаешь. Он уже алкоголик. И это не ваша вина.

Мне показалось, что старый очень переживает за Эдичку. Слишком для обычного коллеги.

– Иннокентич когда-то руководил этим подразделением, Эдуард его ученик. – догадавшись о моих подозрениях, объяснил Михаил.

– Да, он как сын мне. – с чувством подтвердил старый.

Это серьёзно. За близкого человека всегда переживаешь, даже если этот дурень сам всё испортил. Всё, молчу.

Но Галию в этой богадельне не оставлю, если Эдичку не уволят. Кивком головы отозвал Михаила.

– Слушай, мне не хочется, чтобы жена работала в такой обстановке. – тихо сказал ему я. Помощник комсорга кивнул с сочувствием. – Если его не уволят, придётся уволиться ей. Хотя, ей здесь очень нравится.

– Сейчас ждем, что медики ещё скажут. Может, он и не вернётся. – похлопал меня по плечу помощник комсорга. – В любом случае, после таких выходов месяц, не меньше, его на бюллетене продержат и обследовать будут в психиатрии. Так что, прямо сейчас увольняться не надо.

– Хорошо. – чувствуя явное облегчение, ответил я.

– У тебя же есть мой телефон? – уточнил Михаил.

– Да.

– Позвони через месяц, уже понятно будет, увольняться ли ей. А пока не говори ничего. Она тут так сработалась со всеми. Какой макет представили! А ведь там полно ее работы, Иннокентич сказал, и Юру этого она тоже привела. Согласен же?

– Согласен. – улыбнулся я.

Мне сразу полегчало, что не надо прямо сейчас Галие всё бросать. Это старому Эдичку жалко, а остальные, как я посмотрю, не сильно из-за него переживают, улыбаются, вон, смеются. Похоже, достал он тут многих неслабо. Ладно, пусть Галия ещё поработает.

Да и мне приятно было, вот прямо гордился тем, как серьёзно она за дело тут взялась. Сказал же ей прямым текстом, что это временная работа, и надрываться особо не надо, но нет, она так не умеет. Ценное качество в человеке, буду в ней такой настрой и в будущем поддерживать. Хуже нет, когда человек на работу ради денег ходит, никакого удовольствия от нее не получая. Каждый час за два идет... А если горишь работой, то можешь и не заметить, как рабочее время пролетело...

Ждал жену часа полтора, они всем отделом, не сговариваясь, остались работать, даже когда рабочее время вышло. Но мне же и лучше. Позанимался в спокойной обстановке, с чашкой чая в руках за столом, заставленным баранками всякими и пряниками. Чем ближе сессия, тем напряжённей становилась учёба. Мне, конечно, в «Комсомольском прожекторе», уверен, смогут помочь с зачётами и экзаменами, но это последнее дело с такими просьбами обращаться. Уроню свой авторитет только. Так что лучше погрызу гранит науки. Не хочу никому быть должным без сильной необходимости.

В какой-то миг, отвлечшись от учебников, взглянул в окно. На улице по-прежнему шел снег. Танцевали свой загадочный танец снежинки, вспыхивая в свете из окна огоньками. Снова вспомнился магазин из моего детства. Какое странное ощущение у меня осталось от его посещения. Вроде как в детстве своем побывал снова, словно чудо наяву увидел. С другой стороны, как будто со стороны на все смотрел, из другой жизни. Смотрел и не мог до конца понять, что чувствую. Пацан еще этот, Пашка...

Глава 5

Москва

На обратном пути домой вспомнил, что нас Маша пригласила на эти выходные в заказник. Передал приглашение жене. Она так обрадовалась, прямо запрыгала, стоя в метро.

А у нас же Пётр в субботу приезжает. Кто его встречать будет? И с собакой надо кому-то гулять два дня, пока мы не вернёмся. И кота кормить. Обзавелись питомцами, свободы действий резко поубавилось. Кого-то теперь надо просить пожить у нас на выходные.

Можно, конечно, ключ от квартиры у соседки оставить Ирины Леонидовны, записку в дверь подсунуть, что ключ в квартире рядом. Но одного Петра тут лучше не оставлять, гулять с Тузиком пойдёт, еще на Лину напорется, по закону подлости. Кто его знает, как себя поведет по незнанию. Скандала потом не оберёмся. Сестра жизни не даст.

Решил позвонить бабушкам, пригласить их в гости на пару дней. Они же ещё ни разу у нас не были. Вот пусть и приедут, с Тузиком погуляют и за Петром заодно присмотрят.

Дома нас с нетерпением ждали. Тузик прыгал по полу вокруг нас, а Мурчик мяукал со стола в кухне. Бежать встречать нас, как пёс, ещё боялся, но очень хотел и звал к себе. Так смешно было наблюдать, как он, дождавшись от Галии поглаживаний, тут же успокоился, замолк и громко заурчал.

Пришлось идти гулять с собакой, пока Галия ужин готовит. Заглянул в почтовый ящик, тишина. Мы с Тузиком пробежали по привычному уже маршруту и вернулись домой к накрытому столу. Надо отметить, что в бег по вечерам песель очень быстро втянулся. Любит двигаться, в радость ему с хорошей скоростью передвигаться.

В четверг на занятия не пришёл Лёнька Желтов из комнаты Брагина. Давно я в общежитии, блин, не был. Совсем из компании выпал. Наши парни возбуждённо обсуждали в перерыве историю, в которую влип Желтов. Этот дятел с кем-то в городе зацепился и сел играть в карты. Вот не понимаю. Ему в общаге карт не хватило, что ли?! Сутки напролет бывало, играют. Вспомнил сразу парня в поезде, которого каталы раздели-разули. Взрослые, вроде, люди. Как так можно?

– А на занятия-то он почему не ходит? – поинтересовался я.

– Так он из общаги выйти боится, – ответил Федя Пыняев. – Его эти лбы караулят.

– Чего хотят?

– Денег! Чего они хотят? – усмехнулся Женька Булатов.

– И много?

– Семьсот рублей, – ответил Пыня.

Я присвистнул произвольно.

– Ничего себе, поиграл! – удивился я. – Кто же с ним в долг-то играл?

– Нашлись умники. – сказал Ираклий.

– Мужики, – сказал я. – но вы же понимаете, что это все афера точно? Подставили его под проигрыш. С ним кто-то был в тот момент?

– Нет, он один был. Но карточный долг... – возразил Семён.

– Долг долгу рознь! – возразил я. – Одно дело играть честно. Другое с профессиональными шулерами. А красиво они придумали: вечно голодных студентов с пустыми карманами выигрышем заманить, а потом в долг играть. Кто, вообще, в долг играет? Да и странно все это. Аферисты карточные обычно жертву обирают и смываются. А эти, получается, ходят, преспокойно долги выбивают. Подъезды целыми днями караулят. У нас же сколько их?! Они что, у каждого дозорного выставили?

– Получается, так, – озадаченно ответил Булатов.

– С шести утра до одиннадцати вечера один человек на посту не простоит, они меняться должны. Это сколько человек вовлечено? Что-то тут нечисто, мужики. Надо бы разузнать, нет ли в ДАСе других таких же пострадавших, как наш Лёнька.

– Ну, допустим, есть и что? – спросил Иракий. – Выходить с ними стенка на стенку?

– Нет. Это не даст ничего. Порежут нас, как цыплят и всё, – сказал я. – Давайте порази-мышляем. Они обложили огромный комплекс. Значит, имеют для этого достаточно людей. Наверняка у них играет ещё кто-то, может, даже несколько бригад. Сами посудите, не делят же они только эти семьсот рублей на кучу народа. Значит, это банда. Действуют они достаточно нагло. Наверняка Желтов – не единственная их жертва в ДАСе.

– Так и что делать теперь? – спросил Булатов.

– Я думаю, что профессионалов надо подключать, чтобы в этом разобраться, – взглянул я на Брагина. – Но сначала надо хоть примерно выяснить, сколько всего пострадавших. Чтобы было, с чем обращаться за помощью.

Сказал и тут же вспомнил Васю-негра, получившего по голове из-за одних только подозрений со стороны бандитов.

– И действуйте осторожно, парни, у них могут быть сообщники внутри ДАСа, – предупредил я. – Надо быть очень аккуратными и не болтать на каждом углу, что мы информацию собираем. Пожалуйста, отнеситесь к этому серьёзно! Не ходите в открытую с покомнатными опросами.

– А как ещё тогда узнать? – недоумённо спросил Булатов.

– Комсорги и старосты, наверняка, знают о подобных инцидентах в своих группах. Опро-сите сначала их, а потом выходите на пострадавших.

– Понял? – Булатов посмотрел на Семёна. – Я по старостам, ты по комсоргам.

Наметив план действий, парни немного успокоились и пошли на занятия.

* * *

Горный институт.

Рафаэль с каждым днём злился всё больше. Диана раздражала его своей независимостью. Вся группа объявила ей негласный бойкот, а ей всё равно! Сидит себе одна за партой, вещи разложит и на стул соседний, и на вторую половину парты, и плевать ей на всех.

Ей как будто даже нравится одной сидеть. Возникли трудности с лабораторными работами, там в бригады надо объединяться, а все уже разбились по четыре человека. Так она при-страивалась в ту, где людей не хватает, каждый раз в разную. Списывать полученные резуль-таты ей молча, нехотя, но давали. Защищаться она шла в последних рядах, прослушав сначала, как защищаются другие. Звёзд с неба не хватала, но свои зачёты получала.

Как у неё так выходит? – недоумевал Рафаэль. Сам-то он сильно беспокоился всегда о том, как его воспринимают, что о нем думают. Старался со всеми наладить контакт, заслу-жить одобрение, ну или, после происшествия с Галией, хотя бы сочувствия. Он с интересом и лёгкой завистью наблюдал исподтишка за Дианой, не осознавая, что всё чаще и чаще восхи-щается ею.

* * *

В большой перерыв мы пересеклись с Машей в столовой, уточнил у неё, где и когда нам с женой быть для поездки в заказник. Договорились с ней, что мы часам к восьми утра приедем в субботу домой к Шадриным.

После пар зашёл на почту, заказал звонок бабушке на работу.

– Чего это вдруг? – с подозрением спросила бабушка, когда я пригласил её к нам на выходные в гости.

– Мы за город собрались в гости, друзья пригласили, – начал объяснять я. – Пётр телеграмму прислал, что приехать в субботу должен, а Тузик его плохо знает. И спать Петру у нас не на чем. Может, вы привезёте заодно, какой-нибудь матрас старый или одеяла толстые, подушку тоже? Я вам такси оплачу! А то у нас пока голяк с постелями. Сами в спальнике спим.

– Ну так бы сразу и говорил, – расслабилась бабушка. – С удовольствием в Москву съездим. Когда нам надо быть?

– Мы в субботу в семь утра уже уедем из дома. Лучше в пятницу приезжайте вечером, – предложил я.

На том мы и договорились.

Домой приехал раньше жены. С ужином заморачиваться не стал, сварил картошки и засыпал супом с белыми грибами из пакета. Сразу по квартире разнёсся аппетитный аромат. Дал супу немного покипеть, выключил плиту и оставил суп настаиваться. Мечта холостяка!

А сам пошёл с псом на пробежку. Из головы не выходила эта история с каталами, ошивающимися вокруг студентов. Ну что со студентов можно взять? У них отродясь денег не было. Отрабатывать как-то заставят эти долги? Как? Что студент может для них делать? Или они на родителей студентов нацелены? Ой, тут не просто всё, спинным мозгом чую... Как бы парни наши не пострадали, головы горячие...

Вернулись домой, Галия уже пришла с работы.

– Ну, как у вас продвигается новогодний проект? – спросил я её, усаживаясь за стол.

– Отлично! – заявила она, не скрывая удовольствия.

– Смотри только, чтобы вам с Юркой учебу не забросить, а то первый и второй семестры самые тяжёлые, много народу отчисляют.

Галия вдруг насупилась и, не доев, пошла за своим портфелем. Достала учебник и демонстративно начала читать и есть одновременно. Это что за демарш? Что за настроение?

– Зануда! – заявила она мне, пряча улыбку.

Ну, что есть, то есть. Возраст обязывает. Принёс свой портфель и тоже сел заниматься.

– Завтра приедут бабушки, чтобы Петра встречать, он в субботу приедет. – сообщил на всякий случай я. Вот, не помню, говорил Галие об этом или нет. Голова пухнет от событий и информации.

– А ты струну под тюль так и не натянул! – с упрёком посмотрела на меня жена.

Начались в деревне танцы!

– Кстати, мы в субботу в восемь утра должны быть у Шадриных. Оденься, на всякий случай, потеплее. – сказал я, доставая дрель.

Обещал? Надо делать.

– А охотиться будем? – заискрились глаза у жены.

– Ну конечно. Я надеюсь. Это же заказник, – неуверенно ответил я.

– А на кого?

– На медведя, – пошутил я.

– Хорошо бы на кабана, – мечтательно проговорила жена. – Мяса будет!..

– Придётся его везти коптить к бабушкам, – сразу прикинул я, какая это будет головная боль. – Ладно, хватит делить шкуру неубитого медведя.

Тридцать минут работы, и вот мы сели обратно за стол заниматься, повесив тюль.

– Вот, другое дело! – воскликнула довольная Галия.

Тут я вспомнил про обещание поискать нового жильца в брянский дом Клары Васильевны и сел писать письмо Славке.

Сообщил ему свои последние новости, в том числе, что Петра переводят в Москву и Инна тоже переедет сюда, соответственно, в дом Клары Васильевны надо нового жильца искать. Под-

сказал ему, что Света Герасимович учится в Брянске, можно ей предложить, может батя и брат ей помогут из общаги съехать. Можно было бы, конечно, и Мише нашему предложить, но ему, скорее всего, финансы не позволят. Но предложить надо.

Конвертов у нас дома был целый стратегический запас. Подписал конверт и воткнул в дверь входную, чтобы не забыть завтра утром. Почтовый ящик у нас висит на соседнем доме, очень удобно.

* * *

Святославль, дом Алироевых.

Инна взяла неделю за свой счёт на переезд. Её переполняли эмоции, очередные сборы совсем не удручали. Она едет в Москву! В это невозможно поверить! Какой же, всё-таки, Петя молодец. Он, конечно, очень жалел, что приходится оставлять трёхкомнатную квартиру. Своя в Москве у них не скоро появится. Хорошо, брат Пашка оказался таким пронырливым, подсутился и целую двушку снял недорого. Будет, где пожить первое время.

– Мам, а холодильник брать сейчас? – спросила Инна.

– Бери, бери. У них там ничего совсем ещё нет, – ответила Апполинария. – Ахмад, а в грузовик поместится это всё? – она показала на сумки, тюки, ящики.

– Поместится, конечно. И мы же ещё на своей поедем, тоже что-то возьмём.

– Я хрусталь к нам в машину возьму, да? – спросила Инна, не скрывая счастливой улыбки.

– Упакуй, как следует. Газет не желей, – ответил Ахмад. – Сама знаешь, какие у нас дороги.

– Я постельное всё из Брянска привезла, постирать бы, – крикнула Инна матери.

– Уже постирала, – откликнулась та.

– А диван тоже брать? – не унималась Инна.

– Бери, конечно, я же говорю, там пустая квартира.

Инна подхватила дочурку и закружилась с ней по комнате.

* * *

Мурчик ночь спал впритирку с Тузиком. Он, наверное, и сам не понял, нашёл во сне самое тёплое место и прижался к нему. Утром я проснулся от того, что ноги затекли, мой пес лежал на мне сверху всеми своими пятнадцатью килограммами, хотел скинуть его, но заметил котёнка у его живота. Медленно, чтобы не разбудить зверей, вытащил из-под них ноги. Вот только подеритесь ещё раз при мне! Получите оба, лицемеры.

Спать оставалось всего двадцать минут, решил, что нет смысла лежать. Пошёл варить кофе любимой жене. Надо было видеть, с каким удивлением вышла в кухню заспанная и лохматая Галия, а у меня уже и кофе на столе, и батон в яйце нажарен.

Оставил её завтракать, а сам побежал с Тузиком на зарядку. Пусть дальше сама охраняет тарелку с гренками от своего разбалованного кота.

В университете ещё до начала первой пары подошёл к Булатову узнать, какие новости по карточному делу.

Подтвердились мои догадки: обнаружилось ещё несколько таких же бедолаг на нашем факультете. Наши парни собираются поспрашивать и на других факультетах. Но налицо система: игра на улице с постоянным прятанием карт «от посторонних глаз». Парни уже и сами поняли, что в этот момент можно как угодно карты подменить. Далее жёсткий наезд с требованием «долга» с угрозами физического воздействия. Один парень был вынужден забрать документы и вернуться домой. Второй переехал жить к родственникам.

– Ищите ещё пострадавших, – посоветовал я. – Только аккуратно, очень прошу. Сами видите, насколько все серьезно оказалось.

После пар поехал на лекцию на Водоканал. Лекция платная, да и, при всём желании, чем бы они меня могли отблагодарить? Воды налить? Приехал домой налегке. Раньше жены. Сидел, занимался. Тут стук в дверь. Каблуков не слышно было. Может, бабушки приехали?

Точно, бабушки.

– Беги вниз машину разгружать, – велела Никифоровна.

Господи, чего они уже там привезли? Бегом спустился вниз. У подъезда стояла старая полуторка с открытым кузовом. Водила подавал, а бабушка принимала.

– Что это? – воскликнул я.

– Постели, – невозмутимо ответила бабуля.

Я принял одну раскладушку, вторую, третью! Пару мешков и скрученные и перевязанные матрасы.

– Ну вы даёте. Как вы приехали-то? – удивился я. – Втроём в кабине?

– Зачем же, – гордо выпрямилась бабушка. – Мы с Никифоровной на такси.

– Хорош болтать! Таскай, давай, – вышла из подъезда Никифоровна.

– Сколько денег? – спросил я водилу.

– Всё уплочено, – ответил он и подал мне ещё один мешок. – Всё. Последний, – доложил он.

– Спасибо, Григорыч! – крикнула ему бабушка.

Машина ушла. А мы остались со своим барахлом, как беженцы.

– Так, стойте тут, охраняйте, – велел я, подхватив раскладушки.

Несколько раз придётся спускаться. Сколько вещей!

Бабули ходили по квартире и одобрительно оценивали. Наконец они заняли большую комнату и стали распаковываться.

– Где вы столько раскладушек набрали? – удивлённо спросил я.

– Это с возвратом! – заявила Никифоровна. – Мне в клубе дали попользоваться.

– А в клубе-то они зачем? – хмыкнул я.

– Так студенты на картошку приезжают!.. – взглянула на меня Никифоровна.

Пришла Галия. Начались разборки сумок, мешков. Бабушки еды навезли... Пока раскладываются пусть. А мы погуляем с Тузиком сходим.

Вернулись как раз к ужину. Все уже за столом, меня только ждут.

Обсуждают, на кого сейчас могут охоту устроить. Со знанием дела так обсуждают. Ну у меня и женщины! Сидел, помалкивал, на ус мотал...

Легли спать поздно. Оставил бабушкам ключ от квартиры. Рассказал, где здесь с собакой гулять. Они меня расспросили, как к метро добраться. Если Пётр приедет пораньше, то они по Москве пойдут гулять.

В шесть утра все ещё спали. Вывел пса на прогулку, чтобы бабушки поспали подольше. Позавтракали, оставили записку на столе, что пёс выгулянный. И поехали к Шадринным.

Виктория Францевна решила всё-таки не ехать.

– Что-то мои старые кости просятся дома остаться, – улыбаясь, сказала она. – Езжайте, дети, сами. Отдохните. А я уж, может быть, летом...

Вскоре в квартире раздался звонок.

– Машина у подъезда! – важно доложил Витя вместо приветствия, и мы, попрощавшись с хозяйкой, пошли весёлой гурьбой вниз.

Нас везли на «Чайке». Витя ехал впереди, а я с девчонками сзади. Ох и прокатились! С ветерком! Машин и так на дорогах немного, а тут ещё «Чайка», все уступают. Чуть ли не на обочину прыгают, как нас сзади видят.

Ехали долго, куда-то на юг. Те места совсем не знаю. Да и смысл в названиях, если приехали мы к трем деревянным теремам. Красивым, из толстых бревен, в таких и зимовать комфортно будет. Большие русские печи тоже свидетельствовали о такой возможности. На них и спать можно было бы при желании. Вполне достаточно места.

Вокруг теремов метров на сто во все стороны было что-то вроде лужайки. Не классический газон, но трава покослена и вывезена, и ровненько все, как в природе не бывает. Явно тут аккуратно все бульдозером разровняли.

Познакомились с родителями Виктора. Маша с ними уже хорошо знакома. Витькина мама её иначе, чем Машенька, не называет. Очень хороший признак для ее отношений с Витькой. О многом лично для меня говорит. Неужто уже не в первый раз свел между собой людей, у которых потом и до свадьбы дойдет?

Родители у Витьки держались друг возле дружки – не разлей вода. Явно крепкая семья. Жена начнет говорить – муж заканчивает. И наоборот.

Батя Витькин, Семен Николаевич, оказался очень знающим собеседником, мы с ним сразу зацепились за тему внешней политики СССР. Так зацепились, что нас женщины принялись уговаривать пока повременить эту тему дальше обсуждать, уделив должное внимание завтраку. За завтраком тут, я так понял, разговаривать не было принято. Старые традиции, уважаю. Надо будет расспросить Витьку, что за пост его отец занимает. И что я раньше не поинтересовался?!

После лёгкого завтрака нам предложили пострелять. О! Галия только и ждала этого момента.

- На кого будем охотиться? – с азартом спросила она, блестя глазами.
- На тарелочки, – невозмутимо ответил Макаров-старший.
- Как на тарелочки? – не скрывая разочарования, проговорила жена.
- А ты на кого собиралась?
- На кабана...

Округлив глаза, Макаров-старший посмотрел на меня.

- Как ты с ней живёшь? – тихо спросил он меня.
 - Мучаюсь... – состроил я страдальческое лицо.
- И мы оба расхохотались.

Глава 6

Москва

Заказник где-то на юге Подмосковья.

Нас пригласили на поле. Стрелять надо было дробью из ружей, никогда этим не занимался и пустил вперёд себя всех желающих. У меня вообще нет опыта стрельбы по движущимся мишеням. Встал стрелять, когда все уже настрелялись и пошли отдыхать. Со мной остался только дежуривший у метательной машинки сотрудник, не так стыдно было за первые промахи. Но потом втянулся, и к концу попадал уверенно в одну из трёх тарелочек.

Потом присоединился к нашей честной компании за столом. Очень простой ужин, но красиво и с любовью накрытый. В деревянной посуде, расписанной хохломской росписью, простая, на первый взгляд, еда. Запечённое мясо, жареное мясо, отварная картошка, два вида салатов, огурчики, грибочки, селёдка... Но какого же качества все продукты! Огурчик к огурчику, грибочек к грибочку. Красиво, аппетитно. Так, наверное, важных иностранных гостей встречают.

Улучив момент, пошептался с Виткой о том, кто его отец. Стало понятно, откуда его Виктория Францевна знает. Он оказался первым замом министра иностранных дел СССР. Так что оформление обеда очень даже вписывалось в эту сферу деятельности.

Беседовали несколько часов за очень хорошим столом. Галия нашла общий язык с Витиной мамой, и они с Машей сидели вокруг неё тесным кружком.

А мы с Витей сидели с Семёном Николаевичем. Какой же он интересный собеседник. Надо искать возможность чаще участвовать в таких посиделках, очень полезно для общего развития.

Зацепились с ним языками по нескольким темам. Я осторожничал, но все же не удержался от их обсуждения. А он и рад – настоящий специалист и во время отдыха о своей работе думает.

Первой темой обсудили проблему евреев и арабов. Я, в принципе, сам ее и поднял. Сказал, для затравки, что у арабов нет перспектив в ближайшие десятилетия справиться с Израилем. Как он оживился! Сразу стало понятно, что его точка зрения кардинально противоположна. Ну да, тоже можно понять – СССР помогал создавать Израиль вовсе не для того, чтобы получить в его лице верного союзника США в регионе. Вот и хотелось как-то Израиль приструнить. Пусть и руками арабов, почему бы и нет?

– Новая война арабов с Израилем неизбежна, и начнется скоро, не позже чем через года полтора-два, – предсказал я то, что и так знал, – но в ней арабам ничего хорошего не светит. Разобьют их израильтяне.

– Ты слишком переоцениваешь Израиль! – горячился замминистра, – да, американцы снабдили их своим самым современным оружием, но численное превосходство у арабских стран.

При этом он и слова не сказал, что мы накачали арабские страны современным советским оружием. Ну да, в это время такие вопросы публично не обсуждались. Как и факт наличия у Израиля ядерного оружия, если я верно помнил.

Я скептически покачал головой в ответ. Ничего, в 1973 году он наш разговор припомнит.

Потом мы начали обсуждать холодную войну с США. Я позволил себе сказать, что мы полностью защищены ядерным щитом, и вполне можно производить меньше танков и пушек, а вместо этого пустить эти деньги на снабжение населения легковыми машинами и всякой дефицитной техникой, от телевизоров до качественных швейных машинок.

Зачем вкладывать огромные деньги в ядерный щит нашей родины, чтобы штамповать танки и пушки с такой интенсивностью, словно у нас его нет? А вот реальной проблемой является нехватка легковых машин, телевизоров, стиральных машин.

Вот по этому вопросу дипломат уже сильно не возражал, только хмыкнул, я так понял, что, в принципе, он со мной согласен. Но как пробить огромное и мощное военное лобби? А я же знал, что через два десятилетия большую часть этой дорогостоящей военной техники либо пустят под нож, либо продадут за гроши в Азию и Африку, получившие ее по наследству пятнадцать новых независимых государств, что образуются на руинах СССР. То есть, сейчас вся страна, перенапрягаясь, производит то, что потом спустят в унитаз... Обидно, честное слово!

Более серьезно мы зацепились по вопросам Африки. Я немного ехидно спросил чиновника, почему мы оказываем большую помощь африканцам, но сами с этого не получаем никакой экономической выгоды. Хоть бы фруктов завезли, что ли, они там прекрасно растут, чтобы витамины были у советских граждан... В ответ получил вполне ожидаемую лекцию о том, что они там все поголовно нищие и обездоленные, и взять с них нечего. Ну да, только все остальные страны мира это не слишком смущает, для своих экономик они берут у африканцев всего полной мерой. А Россия потом в двадцать первом веке будет прощать десятки миллиардов долларов долгов африканским странам, что сейчас щедро выдает Советский Союз. И не сказать, чтобы кто-то там был по этому поводу особо нам благодарен...

Под конец осторожно высказался по Афганистану. Мол, слишком необычная страна. Надо нам очень осторожно с ней дружить. Как он заинтересовался!

– И почему ты так считаешь?

– Так Афганистан одна из немногих стран в мире, что смогла частично независимость сохранить от британцев, когда их могущество в девятнадцатом веке не знало пределов. А почему – потому, что Афганистан похож больше на осиное гнездо. Они там постоянно воюют между собой, сохраняя в результате высокий профессиональный уровень солдат и готовность сражаться до последней капли крови, но, если приходят чужаки, объединяются все, и бьют только чужаков. Уровень жизни очень низкий, терять особенно нечего, война у них национальный спорт. Очень важно избежать того, чтобы они нас своим врагом посчитали. Нет там практически пролетариата, крестьяне вообще несознательны, но убивать они и умеют, и любят. Так что они для нас сомнительный союзник, они еще при феодализме живут, а идеи коммунизма приобретают интерес для широких масс только, когда страна входит в стадию капитализма. В такой ситуации большой опоры среди населения социалистическому правительству снискать трудно.

Дипломат, конечно, заметно обалдел от моей манеры дискуссии и аргументов. Вряд ли ему раньше попадались студенты, которые с такой колокольни смотрели на разные страны. Но у меня была крохотная надежда, что, может быть, удастся заронить какие-то мысли в МИДе по поводу специфики Афганистана, и в 1979 году мы не пошлем туда войска. Ну а что? Раз случайно появилась возможность, почему бы не попытаться сделать что-то хорошее для своей страны?

Говорить достаточно свободно я не боялся. Вряд ли замминистра побежит меня завтра в КГБ сдавать, даже если и услышит что-то крамольное, с его точки зрения. Как ему потом сыну в глаза смотреть, если у меня начнутся проблемы и я догадаюсь, откуда у них ножки выросли, и скажу ему? Да и любую высказанную идею я обосновывал своими выкладками об экономических интересах СССР. Мол, интересы африканского или арабского пролетариата и крестьян это здорово, но для меня первичны интересы советского пролетариата и советских крестьян. Тут уже можно говорить о необычности идей, но не о поклонении перед американцами, или готовности предать страну.

Когда уже совсем стемнело, нас спросили, останемся ли мы ночевать или хотим вернуться в Москву? Переглянувшись с женой, не сговариваясь, решили ехать домой.

– У нас гости дома одни, – с сожалением сказал я. – Муж сестры приехать должен.

Нас отвезли на машине прямо к дому. Как я понял, это здорово упростило жизнь принимающей стороне. Если бы мы решили остаться до завтра, то водителю пришлось бы в один день два раза туда-сюда мотаться, все мы не поместились бы в одну машину.

* * *

Семен Николаевич Макаров, проводив гостей, сел с сигаретой на веранде. Маша с Витей ушли в одну из комнат особняка, и он вовсе не хотел надоедать сыну, навязывая свое общество. Тем более, что сам два года назад отправлял отца его девушки в командировку за рубеж, и был, в принципе, им доволен как перспективным сватом. Да и девушка ему понравилась – прекрасно воспитанная, умненькая, с чувством юмора и с природным шармом.

– Как-то ты странно выглядишь, проблемы на работе? – озабоченно спросила его жена, неслышно подойдя сзади.

Он, улыбнувшись, повернулся к ней, убрав сигарету в пепельницу – жена не любила, когда он курил. Сердце ... Вообще настаивала, чтобы бросил. Пока не смогла настоять.

– Для разнообразия, на работе все спокойно. Меня вот друг нашего Вити поразил...

– То есть, он не только много и охотно говорил, но в этом и был какой-то смысл? – удивленно спросила Дарья. Сама она никак не была связана с дипломатической деятельностью. Свое прекрасное образование она получила на физмате, но с тех пор не работала. Умело создавала уют в доме, могла поддержать разговор по темам, которые обычно затрагивались дамами за рубежом во время командировок мужа – по правам женщин, по советской идеологии и даже по проблемам безработицы – но вот в страновой специфике международных разбиралась мало.

– Да у меня большинство сотрудников в центральном аппарате с десятилетним стажем трудовой деятельности не смогло бы со мной на таком уровне беседовать! – возбужденно сказал супруг, – необычный взгляд на многие вопросы, свежий и системный! Одно дело – что-то с апломбом заявить необычное, но этот пацан еще и обосновать может без проблем, что его ни спроси. И аргументы не лишены серьезных оснований... Некоторые вопросы мы только с наиболее доверенными товарищами обсуждаем на таком уровне.

– Это так теперь хорошо в МГУ обучать начали, на факультете экономики? – удивилась жена, – хотя, постой, он же Витин однокурсник, значит, только несколько месяцев начал учиться... И как же так?

– Вот я и сам удивляюсь... – задумчиво сказал Семен, – встретиться я с ним где-нибудь за рубежом, был бы полностью уверен, что ко мне западные спецслужбы агента влияния подвести пытаются. Прекрасно для этой цели подготовленного. Но я сына расспросил – парню шестнадцать лет, он выходец из крохотного провинциального городка... Похоже, просто вундеркинд с жадой знаний, впитывающий жадно любую информацию, со способностью смотреть на вещи под необычным углом и системно их оценивать. Есть такие и у нас в МГИМО... раз в десять-пятнадцать лет появляются... Надо за ним присматривать. Пожалуй, я буду готов через четыре года сделать ему интересное карьерное предложение.

* * *

Мы с Галией уставшие, но довольные, поднялись к себе и застыли перед закрытой дверью в нашу квартиру. Из-за двери донесся истошный детский визг. Явно счастливый.

– Алироевы приехали! – дошло до меня.

Мы открыли дверь своим ключом и вошли в квартиру. Вот, если бы я не уверен был, что это наша, то подумал бы, что мы ошиблись дверью. Вся прихожая была заставлена коробками и тюками. На кухне мама, Инна и обе бабушки. Из большой комнаты выглянул Пётр с Аришкой на плечах. А следом за ним Ахмад. Квартира, еще недавно казавшаяся большой и просторной, неожиданно оказалась крохотной...

Но не это главное. Вся семья в сборе! Хорошо, что мы решили сегодня вернуться. Обнимашки, целовашки...

О! Холодильник в кухне появился. Высвободился из объятий мамы и сестры и пошёл с мужиками здороваться. А вещей-то в комнате! Диван откуда-то...

– Ну, вы даёте... – ошарашенно оглядываясь, пробормотал я.

– Ещё из Ижевска контейнер придёт, – как бы между делом сообщил Пётр и поднёс ко мне тянущую ручки Аришку.

Обнял ребёнка. Она вцепилась в меня и осталась сидеть на руках.

– А где же у нас котик? – спросил я, оглядываясь.

Ни кота, ни собаки не было видно.

– А у вас звери наши не убежали, пока вы вещи в квартиру таскали? – беспокоился я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.